80 сигарет

Автор:
Генри Сирил

80 сигарет

Генри Сирил

Триллер от звезды YouTube

Жуткая история о неведомом простому обывателю мире жестоких людей, с которыми мы, не придавая этому значения, живем бок о бок.

Матерый уголовник по кличке Токарь планирует ограбить наркоторговцев и выгодно перепродать их товар. Предвкушая удачную аферу, Токарь берет с собой на дело случайную попутчицу красавицу Нину. Операция удается. Но в пылу разборок и любовных утех он не замечает, как сам становится жертвой. Его новая подруга Нина – совсем не та, за кого себя выдает. Токарь с ужасом узнает ее страшную тайну, после чего для него остается только один выход – смерть…

Что творится в голове преступника? Что им движет: ненависть, злость, борьба за выживание или страх? Автор как психолог препарирует мотивы и драматичные обстоятельства жизни своих героев. Многие сцены прописаны настолько детально и реалистично, что становится откровенно не по себе. Но именно это чувство заставляет ждать развязки с чудовищным нетерпением. Развязки, предугадать которою невозможно.

Десятки топовых книжных блогеров уже написали на эту книгу свои восторженные отзывы.

«Жесткая, резкая и оглушающая. Юношеские мечты и первая любовь, ошибки молодости и страшные реалии тюремной жизни, попытки не сойти с ума, человеческая сублимация и месть, – ещё ни одна книга так меня не шокировала». – @7_svetik_books

«Представьте, что вас на некоторое время поместили в тюремную камеру к самым отчаянным заключенным. Первая мысль: «Что я здесь делаю?», происходящая здесь жестокость возмущает и пугает, а сцены насилия, как и вся развязка этой истории, вас шокируют. Эмоции и множество мыслей, зародившихся тут, навсегда останутся с вами, а дочитав (выйдя из этой камеры), вы уже не останетесь прежним!» – uliana_gushchenko

«Безжалостная драма, сюжет которой выпрыгивает как черт из табакерки. Если вы слишком нежная натура, то отложите книгу в сторону, но если вы готовы к погружению в пучину мрака, то знайте – захочется еще». – @hah.books

Генри Сирил

80 сигарет

© Агапов К.А., 2021

© ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Токаря вырвало кровью.

Он разлепил веки и беспомощно посмотрел по сторонам.

Нина сидела за столом. Перед ней стояла бутылка коньяка «Бисквит», почти полная. В руках девушка держала бутерброд с колбасой. Глядя на зашторенное окно, она неторопливо откусывала от бутерброда небольшими кусочками и запивала коньяком.

– Ни… Нина, – позвал ее Токарь. В горле что-то заклокотало, он закашлялся. Изо рта вырвался сгусток темной крови.

Нина встрепенулась.

– Ой, милый, ты очнулся! – она быстро запихала в себя остатки бутерброда. – Наканефто, – радостно сказала с набитым ртом. – Ну и беспорядок вы тут устроили, ужаф. Ты только глянь. Ох уж мне эти брутальные альфа-самцы. А убираться, конечно, всегда нам приходится, вашим женщинам.

– Нинок, мне, по ходу, врач нужен, – Токарь оттянул ворот футболки и посмотрел на свои раны. «Херово, очень херово», – подумал он, глядя на две небольшие дырочки в животе, из которых толчками вытекала кровь.

Он попробовал встать, приподнялся на руках и, застонав, свалился обратно: боль, совершенно невыносимая, пронзила его живот, словно кишки накручивали на раскаленный докрасна стальной вертел.

Нина взволнованно посмотрела на него.

– Боже, я надеюсь, ты не подумал, что я сержусь на тебя за этот бардак, нет?

Забыв о боли, Токарь изумленно вытаращился на девушку, в надежде, что ему послышалось.

– Что?

– Я говорю, что не сержусь на тебя за то, что вы тут устроили, не думай, будто я какая-то там белоручка, я все уберу, а ты отдыхай. Впрочем, – она погрустнела, – кому это теперь нужно?

– Какая уборка, Нина? Ты рехнулась?! Че ты несешь?.. кхе-кхе… мне к доктору надо, ты не видишь, что ли? Тут, кажись, все очень плохо.

Нина глотнула коньяк из бутылки, поморщилась и встала из-за стола.

– Вот откуда? Откуда, спрашивается, у Марины может быть дорогой коньяк? Водка там, самогон или простенькое винишко – это я понимаю, но бутылка «Бисквита», – она хохотнула с веселым изумлением, – это просто чудо, я…

– Ты спятила, что ли?! – собрав последние силы, крикнул Токарь. Его вновь засасывало в черную бездну беспамятства. Он встряхнул головой, сплюнул сгусток бордовой пенящейся крови и обессиленно откинулся головой на печку.

Нина умолкла. Она смотрела на Токаря глазами обиженного ребенка, на которого накричали ни за что ни про что суровые родители.

– У тебя крышка поехала? – слабо сказал Токарь. – Я, блять, кровью истекаю. У меня в животе две пули. Я могу кишки свои пальцем потрогать. Что с тобой, твою мать?!

– Я просто подумала, что тебя это тоже обрадует, поднимет настроение, – она поджала губы, стараясь не разреветься от обиды, – ну и ладно, – плюхнулась на диван, щелкнула пультом от телевизора и, нахмурившись, принялась беспрерывно листать каналы.

Токарь не верил своим глазам.

– Ты че делаешь? Ты… ты собираешься смотреть телик?

В ответ Нина фыркнула:

– Я с тобой не разговариваю.

«Она не играет, – в полном изумлении понял Токарь, – она действительно не в себе!»

Страх комом застрял в его горле.

Пролог

– Я прошу прощения, но в нашем ресторане не курят. Потушите, пожалуйста, сигарету.

– Да отдыхай. Мы тут вдвоем. Кому мешаем?

– И все же. Вам стоит потушить сигарету.

– Те делать больше не хуй? Заказ лучше прими. Две бутылки минералки – любой, холодной, и че-нить пожрать на твой выбор.

– Простите, но я вынужден позвать…

– Слышь, отъебись, олень, пока я тебе ебасос не разбил! И так башка трещит, еще и ты меня дрочить будешь?

– Винстон, ну его в жопу. Лучше потуши. За последние шесть лет много че поменялось. Ща ваще нигде курить нельзя. А у меня нет настроения пиздить охранника.

– Че за дерьмо?! Ладно, вот. Доволен? Теперь пиздуй за заказом. С ума, блять, сойти можно! На зоне и то свободы больше было. Токарь, есть че-нить от башки?

– Не-а.

– Отвык я от похмелья. Ладно. Короче, слушай. Ты помнишь Мишку-цыгана?

– Мишку, Мишку… Барыгу этого всесоюзного, что ли?

– Да.

– А то! Хе-хе. Этот гондон в свое время половину Подмосковья героином завалил. Почти все точки его были.

– Угу. Он в прошлом месяце тянул большую «коляску» в лагерь. «Пороха» могло бы хватить для того, чтоб вся зона неделю летела не просыхая.

– Ваша вода. Завтрак будет готов через пару минут.

– Исчезни… Так вот, не знаю, че там у него произошло – слил кто или сам очка пронес, только въебался наш Мишка с «порохом» этим. Прям оперку нашему и въебался.

– Это которому? Зорину, что ли?

– Да, братан, ему, родимому. Вот тоже сучонок, хе-хе, как еще до сих пор сам не сел. Ведь ни хера не боится! Думает, Бога за яйца поймал. В общем, Зорин, долго не думая, такую сумму цыгану заломил, что у бедолаги глаза на лоб полезли. Он давай объяснять Зорину, что нету у него столько денежек, а тот ни на рубль не уступает, говорит: если не хочешь, мол, по-хорошему, то я делу ход даю, и тогда пиздец тебе, «Пабло», десятка – это как минимум… Гл-гл-гл… А-а-а-х… Хорошо. Эй, длинный! Водички повтори.

– А сколько Зорин хотел-то?

– Я не знаю, но, думаю, ой как немало. Мишка ведь не из жадности рогом уперся. Видать, и вправду цифра для него неподъемная, а он – ты сам знаешь – далеко не бедный. Разумеется, Мишка мог плюнуть на все и слить, к хуям, Зорина фээсбэшникам – да и дело с концом: впаяли бы обоим по самые яйца.

– Ваш завтрак: омлет с…

– Хер ли ты все комментируешь? По-твоему, я бы не догадался, что это такое? Свободен.

– Да-а-а, Винстон, рискует оперок наш. Ва-банк прет. К пенсии, наверное, готовится.

– Не скажи. Зорин не дурак, даром что мент. Он прекрасно понимал, что? и кому? предлагал. Мишке пара месяцев до «звонка» оставалась. Ясно как день – жопу порвет, но найдет деньги. Понимал, что дело его труба, что бабки надо достать – кровь из носу, иначе запустит его Зорин в такую пиздорезку, какая ему только в кошмарах снилась. Сидеть будет до второго пришествия. Это если повезет.

– Ну а мы-то здесь при чем?

– А при том, кенток, что денег таких у цыгана попросту нет. Зато он знает, где их по-легкому взять можно. О чем и рассказал Зорину. А он – мне.

– Ну?

– Баранки гну. В эту субботу Мишка ждет большую партию герыча. Фуру с грузом будут встречать его люди на двести пятидесятом километре трассы М4. Там гостиница есть небольшая. Говенная, но это и неважно. Ты едешь туда за сутки до назначенной встречи барыг – так, на всякий случай. Снимаешь номер и ждешь меня. Я приеду на следующий день, мне нужно будет задержаться в городе. Затем мы дожидаемся, когда те, кто приедет забирать товар, перекидают его к себе в тачку, валим их…

– …и забираем товар себе.

– Да.

– Винстон, а-а… ты доверяешь Зорину? Он же мент.

– Ха! Мент он только по документам. Этот мудак столько всего наворотил за свою оперскую жизнь, что не каждому отморозку снилось. Да че я тебе рассказываю! Мы же вместе с тобой несколько раз по его наводкам двигались. И всегда удачно, забыл?

– Ни хера я не забыл. Просто хочу до конца во всем разобраться. Например, мне непонятно, зачем такой огород городить. Если, ты говоришь, у руля Мишка стоит, почему бы ему просто не отдать товар?

– Ну пиздец, прилетел утюг в голову. Как ты себе это представляешь? Мишка, конечно, у руля, но он ведь не один верховодит. Там народу тьма-тьмущая задействована. Что он им всем скажет? «Большое спасибо за помощь, а теперь отвезите весь героин по такому-то адресу и можете быть свободны». Так, что ли?

– Винстон, даже полному дебилу сразу станет понятно, кто стоит за налетом.

– Объясняю для особо тупых. Во-первых, не факт, что все стрелки на Зорине сойдутся, а уж на нас – тем более. Мало ли кому еще это может быть на руку. Там их, блять, целый табор, а бабки огромные. А во-вторых, даже если и допрет до этих индейцев, что сам же Мишка их и кинул, то тебе ли не похер? Пускай его хоть раком к стенке ставят, ебут и пытают. Откуда цыгану знать, кого там Зорин к теме подключил? Или, ха, ты думаешь, они и мусора пытать станут? Яиц не хватит с Зориным связываться.

– Ну хуй его знает. Сам же говоришь – бабки немалые.

– Токарь, с каких это пор… Че ты опять приперся? Мы тебя звали?

– Извините, я закрываю смену. Не могли бы вы рассчитаться?

– Ебать ты прилипчивый. Сдачу оставь. Все, нарисуй сквозняк… С каких это пор ты такой ссыклявый стал, а, Токарь? Хотя пускай тебя это не беспокоит. Я знаю, как нам подстраховаться.

– Ты о чем?

– Неважно. Тебе сейчас на своей роли сосредоточиться нужно.

– Ладно, еще пара вопросов.

– Валяй.

– Какой план? Я имею в виду детали.

– Об этом после поговорим, на свежую голову. Что еще?

– Что мы будем делать со всем этим говном?

– Не парься. Я уже обо всем договорился.

– Шустрый какой. Когда успел? Вчера только откинулся.

– Вчера и успел. Еще с зоны сделал пару звоночков. Кстати, это еще одна причина, почему Зорин подтянул именно меня. Я знаю, куда «порох» скинуть по-быстрому. Один очень крупный барыжка заберет его. Хоть и по дешевке, зато сразу и весь.

– Я еще, блять, героином не банчил…

– Эй! Ты эту херню для малолеток оставь. Мы же не собираемся им торговать. Просто отберем у одних барыг и отдадим другим. А нам за это денежка. И давай без блевотины этой, «банчил, не банчил». Знаешь, какие там бабки?

– Вот, кстати, нет. Какие?

– Даже при том, что скинем мы его за гроши, получится по двести кусков зелени на рыло.

– Сколько?!

– Че орешь-то? Хе-хе, вот и я о том же.

– Но по-любому думать, братан, надо.

– Ну, думай, думай. Только недолго. Край – до завтра. Есть анальгин?

– Да нету у меня. Ты уже спрашивал.

– Блять.

Часть первая

Запах мускуса

На свете найдется немало людей, для которых мертвый враг испускает благовоние и которые в мести находят мускус и янтарь.

Томас Браун

Глава 1

Новенький черный «Ниссан патрол» неожиданно свернул на противоположную сторону междугородней трассы и резко затормозил. Машина чудом не зацепила летние столики придорожной кафешки. Посетители повскакивали со своих мест. Кто злобно, кто в недоумении – люди смотрели на подъехавший внедорожник. Поднятая машиной пыль медленно оседала на тарелках с завтраками.

Из «патрола» вышел мужчина средних лет и тут же, вытащив из кармана спортивных штанов четки, принялся виртуозно перебрасывать их между пальцами, покрытыми выцветшими бледно-зелеными наколками.

Его звали Токарь.

Без тени сожаления, обнажив два ряда тускло поблескивающих на солнце металлических зубов, он бросил:

– Не обессудьте, работяги! В последний момент решил тормознуть и похавать.

Посетители, хмуря брови и возмущенно покачивая головами, стали возвращаться на свои места.

– Тормознуть он решил, – пробурчал мужчина, чей столик ближе других стоял к дороге. Он с досадой смотрел на покрытые пылью кусочки шашлыка, в нерешительности ковыряя их пластиковой вилкой.

Глаза Токаря мгновенно заблестели злобой. Чуть щурясь от яркого солнечного света, он вгрызся страшным взглядом в дерзкого дальнобойщика и процедил:

– Че ты там булькнул?

Мужик удивленно обернулся. Внезапная агрессия со стороны Токаря выбила его из колеи. Он хотел было что-нибудь ответить на оскорбление, но, увидев перекошенное гневом лицо Токаря, лишь глупо промямлил:

– Ты мне?

– Тебе-тебе, хуйло, – Токарь сделал шаг в его сторону. – Я же извинился вроде. Чем ты еще недовольна, лошадь?

Перепуганная физиономия мужичка забавляла его.

– Скотина ебучая.

Мужик перестал крутить головой и вновь уставился в свою тарелку, будто искал в ней выход из положения.

Подойдя вплотную, Токарь навис над дальнобойщиком.

– Хули ты отвернулся? В лицо смотри, когда с тобой люди разговаривают.

Но тот упорно продолжал буравить тарелку бессмысленным взглядом, словно надеясь, что, если притвориться слепоглухонемым, Токарь отстанет от него или вообще растворится, как мираж.

Знакомый Токарю ступор. У мужика не хватит духу ни на какие ответные действия, но остатки гордости не позволят ему убежать или умолять оставить его в покое. Так и будет сидеть с тупой покорностью коровы, принимая на свою морду слабенькие, в пол токаревской силы, удары. Может, выставит вперед свои ручонки в бесполезной защите. И уже не будет думать ни о гордости, ни о чести, лишь бы его перестали бить. Знал Токарь и то, что, как только он уйдет, мужик этот начнет поносить его на чем свет стоит, стараясь изо всех сил убедить в первую очередь самого себя в том, что он вовсе не струсил, а просто «не желал связываться с дураком», что, если бы только захотел, мог бы запросто разбить Токарю рожу, просто «на фига мне это надо, зашиб бы придурка ненароком, а потом сиди из-за него, урода такого» – и прочая подобная жалкая болтовня.

Молодая парочка за соседним столиком (задроты – мимоходом окрестил их Токарь про себя за огромные диоптрии на их переносицах), не доев завтрак, собрала свои вещи и поспешила к желтому «Форду фокусу».

Токарь уже собирался отвесить притихшему дальнобойщику унизительный подзатыльник, как в этот самый момент услышал позади себя щелчок открываемой дверцы своей машины.

Он обернулся.

Глава 2

Из машины выглядывала девушка. Она без особого интереса посмотрела по сторонам и, оттолкнувшись руками от сиденья, по-мальчишески ловко спрыгнула на пропыленную землю.

Забыв о своем случайном маленьком развлечении, Токарь – а вместе с ним и все остальные – восхищенно смотрел на свою спутницу. Три дня – слишком короткий срок, чтобы привыкнуть к ее красоте.

Теплый ветер трепал ее длинные черные волосы. Смешиваясь с запахом жаренного на углях мяса, до посетителей долетал тонкий аромат дорогих французских духов с нотами фиалки и малины. Девушка вскинула пышные ресницы. Взгляд больших изумрудных глаз лениво скользнул по столикам кафе. Искрясь на солнце, капелька пота сбегала по ее шее цвета бронзы. Слегка приоткрытые сочные губы небрежно сжимали за кончик фильтра тонкую сигарету.

– Токарь, милый, успокойся, пожалуйста, – ласково произнесла девушка. – Пойдем лучше завтракать. Я ужасно проголодалась.

Голос ее был чуть низкий, с сексуальной хрипотцой.

Девушка с наслаждением втянула носом теплый воздух. Сцепив руки над головой, она завела их немного за спину и сладко потянулась.

Ее звали Нина. Ей было двадцать восемь.

Она любила живопись каких-то там «…истов» и «английский рок», что бы это ни значило, итальянскую обувь и еду из фастфуда, дорогие сумочки ручной работы и неразбавленный виски. Курила тонкие сигареты, отрывая половину фильтра для крепости. Хреначила в кофе молока больше, чем воды, и терпеть не могла чай.

Это все, что успел узнать о ней Токарь за те несколько дней, что они были знакомы.

Потянувшись, Нина опустила руки и одарила Токаря усталой, но обворожительной улыбкой. Пряди волос, растревоженные ветром, скрывали часть ее лица. Она откинула их рукой, открыв аккуратные уши, украшенные скромными серьгами-гвоздиками с бриллиантовой крошкой.

– Пойдем, – мягко и одновременно требовательно повторила Нина Токарю, который все еще продолжал грозно возвышаться над униженным дальнобойщиком.

Голос ее слегка дрожал.

Возможно, причиной тому была долгая утомительная дорога. А может быть, девушку просто смущали раздевающие взгляды всех этих мужчин. Во всяком случае, одно можно было сказать с абсолютной уверенностью: она явно не хотела, чтобы это заметил Токарь, ибо, как только Нина уловила предательские нотки в своем голосе, она тут же замолчала, еще шире улыбнулась и, подцепив сумочку, решительно направилась к кафе.

Великолепно сложенная, черноволосая, с медовой кожей, Нина была столь хороша, что даже напуганный Токарем мужичок, осмелев, отлепился от своей тарелки и осторожно покосился на ее бедра, когда она, еле заметно прихрамывая на левую ногу, проходила мимо него. Токарь же сверлил ее взглядом совершенно открыто, в глубине души надеясь тем самым привлечь внимание и других мужчин к ее формам.

Одета Нина была по-летнему просто, но со вкусом. Легкие светло-синие джинсы выгодно облегали ее округлые ягодицы и стройные ноги. Тонкую талию обтягивала майка «Ив Сен-Лоран» кремового цвета, а и без того высокий рост увеличивали агрессивно-сексуальные туфли от «Вера Вонг», крутым подъемом и дизайном в целом напоминающие туфли стриптизерши.

У дверей она обернулась.

– Да плюнь ты на него, в самом деле. Я думаю, он и так уже осознал, кто тут полное ничтожество.

На этот раз голос ее звучал уверенно, даже немного игриво.

Но Токарь не спешил. И хотя в его глазах уже не было той злобы, что пару минут назад, он все-таки мешкал, переводя взгляд с Нины на свою жертву и обратно. Несколько раз он цыкнул языком, как бы раздумывая, а затем сплюнул мужику под ноги, ставя унизительную точку в конфликте. После этого Токарь развернулся и, шаркая подошвами, неторопливой расхлябанной походкой направился к своей попутчице. Кисти рук небрежно повесил на поясе спортивных штанов, просунув большие пальцы под резинку. На его лице играла самодовольная ухмылка.

Дальнобойщик облегченно выдохнул.

– Ебло тупое, – долетели до него слова Токаря. Он говорил это Нине подчеркнуто громко. – Все-таки стоило ему, Нинок, щелкнуть разик-другой, чтобы больше так густо с людьми не базарил.

– Ой, да ну его в баню, – ответила девушка, пряча глаза за черными стеклами очков. – Пойдем уже.

Хмыкнув, Токарь смачно чмокнул Нину в шею и, положив руку ей на плечи, носком кроссовки пихнул входную дверь. В обнимку они перешагнули порог придорожной кафешки.

Глава 3

Я стараюсь сконцентрироваться на какой-нибудь одной мысли. Это совершенно невозможно сделать. В голове стоит такой шум, будто это и не голова вовсе, а долбаный торговый центр во время распродажи в выходной день.

Пытаюсь думать о своих друзьях, но тут же отвлекаюсь на причудливой формы плесень, что разрослась почти по всей стене слева от меня.

И вот я уже думаю о ней – о плесени.

Вонючая мерзкая слизь занимает мое внимание всего мгновение, а затем я замечаю кита. Такого, знаете, с плоской мордой, словно он с размаху врезался в бетонную стену. Таких китов еще в мультфильмах рисуют. Мне кажется, в реальности их и не существует – с такими рожами. Сверху на ките почему-то стоит человек с тростью и огромным, просто чудовищных размеров носом. Киту я нисколько не удивлен. Сколы, трещины, облупившаяся штукатурка – они всегда получаются в виде этих огромных рыб. Я не жалуюсь на воображение: в любой самой невзрачной кляксе или совершенно бесформенном клочке облака могу разглядеть целую вселенную. Но вот облезлая штукатурка на стенах всегда рисует этих чертовых китов. Почти всегда.

А еще уток.

Ну да бог с ними.

Солнечный свет проникает ко мне через небольшое окно, расположенное прямо под потолком. Словно через мясорубку, он проходит сквозь оконную решетку, превращаясь в тонкие светящиеся полоски.

Золотая вермишель.

К слову, получается не очень-то и красиво. Ничего завораживающего. Другое дело – пылинки. В воздухе их миллиарды. Они не заметны в полумраке моего «убежища» до тех пор, пока не попадут в иглы света. Эти иглы столь тонкие, что пылинки проносятся сквозь них за долю секунды и снова исчезают в полумраке. Их бесконечно много, и все они так быстро пролетают сквозь свет шинкованного солнца, что получается нечто вроде мерцания. Вот это красиво. Можно часами

смотреть.

Мне должно быть страшно или, на худой конец, хотя бы грустно, но этого нет. Почему?

Ладно, я не психиатр. Не страшно – и не страшно: значит, так должно быть. Видимо, мозг специально блокирует страх в моменты особенно сильной опасности, чтобы человек в панике не наделал глупостей, а сосредоточился на главном вопросе: как не сдохнуть.

Хотя я, наверное, ошибаюсь. Потому что как раз на этом-то вопросе я и не могу сосредоточиться, вообще ни на каком не могу. А ведь сейчас самое время, иначе мне конец.

Меня тошнит. Но это не от голода. Не будем сгущать краски: в конце концов, я не узник Освенцима, с едой у нас тут полный порядок. В том смысле, что пайки? большие. Хотя и совершенно невкусные. Блевотина – и та, наверное, вкуснее. Фу, сейчас точно стошнит…

Да, это не от голода. Это от… страха? Все-таки мне страшно?

Страх.

Ну разумеется, это он. Вот и хорошо. Значит, я все еще могу его испытывать.

Ха! Вы только посмотрите на меня, ха-ха! «Все еще могу его испытывать». Лицемерный засранец. Страх – это то единственное, что я вообще теперь могу испытывать. Последние несколько лет моей жизни превратили меня в вечно трясущийся кусок желе.

Зовите меня мистер Желе.

Впрочем, нет. Такое прозвище подходило ко мне в прошлом, ибо отныне я не желе, но Спартак! Раб, бросивший вызов господам, своим хозяевам.

Фу-у-у-х…

Я понял, от чего меня тошнит. От жалкой патетики. От дешевого пафоса.

Все, не могу, сейчас точно блевану.

Оставьте меня. Я не хочу, чтобы вы на это смотрели. И вообще – нечего вам здесь делать. Продолжайте чтение этой омерзительной книги. Или не продолжайте. Лично мне все равно. Пусть это парит автора, а мне нужно собраться с мыслями.

* * *

Кафе, в котором собрались позавтракать Токарь и Нина, ничем не отличалось от всех прочих одиноких закусочных, разбросанных на обочинах десятков междугородних трасс, опутывающих огромную страну. То могло быть шоссе от Барнаула до Новосибирска, трасса Москва – Санкт-Петербург или дорога от Калуги до границы с Украиной: на экстерьер заведений и их внутреннее убранство это почти не влияло. Довольно было и того, что в них подавали более-менее сносную еду, которой вряд ли кто-то мог отравиться. С безразличием нарисованные вывески вяло зазывали голодных и усталых путников. И чем дальше от населенного пункта находились эти кафе, тем сильнее они внушали уверенность в том, что его владелец мало заинтересован в привлечении посетителей.

К слову, такое ведение бизнеса вызывало недоумение не у всех. Токарь, к примеру, был убежден, что все подобные заведения открыты с одной лишь целью – отмывание денег, поэтому ждать высокого сервиса не приходилось. Самому Токарю было глубоко наплевать, где и чем набивать брюхо: за семнадцать лет лагерей его желудок научился переваривать такую дрянь, какой не кормят даже в столовых для нищих и бездомных. Но сейчас, войдя в закусочную вместе с Ниной, он недовольно сморщил нос и произнес:

– Ну и вонь. Надеюсь, хотя бы не потравимся, хе-хе.

Он сказал так не потому, что здешний запах показался ему вонью. Им овладело смущение. То обстоятельство, что вместе с ним в гадюшнике будет завтракать и Нина, заставляло его чувствовать неловкость. Ну почему он не подумал об этом раньше, когда решил остановиться поесть в такой вонючей дыре!

Невероятно красивая и элегантная, Нина, казалось, должна была немедленно выбежать вон отсюда на улицу, едва только ее бархатной кожи коснулся липкий воздух, пропитавшийся запахом тушеной капусты и кислыми пивными парами. Впрочем, увидев, что ничего такого не произошло, Токарь немного успокоился, хотя все еще чувствовал себя не в своей тарелке. Какая-то подростковая стыдливость сковывала его. Дурашливо обведя рукой все помещение, он произнес шутливо-торжественным тоном:

– Выбирайте столик, мадемуазель!

Вслед за этим, будто только и дожидаясь сигнала для своего выхода, большая зеленая муха приземлилась Нине на переносицу. Девушка весело поморщилась, тряхнула головой и, улыбнувшись, сняла очки.

– Жрать хочу – не могу, – заявила она, садясь за первый попавшийся столик у окна.

Токарь опустился напротив.

– Ну и как тебе местечко? Небось, не привыкла есть в таких «ресторанах»? – спросил он и сразу же пожалел об этом: из-за дурацкого смущения фраза прозвучала язвительно.

Нина совершенно по-будничному осмотрела помещение.

Белые и красные пластиковые столики, такие же, какие стояли и на улице перед входом. Скатертью им служили разноцветные клеенки, большинство из которых прожжены сигаретами, из-за чего походили на усеянную язвами кожу прокаженного. На стенах висели несколько картин – лесные пейзажи, посредственные и неуместные. Окна покрывала недельная пыль. Легкие шторы с узорчатой прорезью были раздвинуты в стороны. В дальнем углу находилась пустующая барная стойка. Сам бармен, видимо, отдыхал в подсобном помещении: оттуда доносился звук работающего телевизора. В глубине зала тарахтел старенький вентилятор на перемотанной изолентой ножке. Посетителей почти не было. Двое мужчин, сидящих за столом возле вентилятора, низко склонились каждый над своей тарелкой супа и торопливо работали ложками.

– Кафе как кафе, – Нина пожала плечами.

– Ну-ну.

Токарь брезгливым щелчком сбил со стола перепачканную майонезом горошину.

– Эй! Есть кто, нет?! – раздраженно выкрикнул он в сторону бара.

Тонкий, как жердь, парень выглянул из подсобки.

– Я слушаю вас.

– Ты не слушай, а работу работай. Протри тут по-шурику. И меню захвати.

Парень, как показалось Токарю, вызывающе скользнул взглядом по столику, за которым они сидели. Видимо, стол не показался ему грязным, однако спорить бармен не стал. Взяв тряпку и меню, он лениво обогнул барную стойку и неторопливо зашагал к двум новым гостям.

Такое поведение официанта разозлило Токаря. Мало того, что он по дурости притащил сюда Нину, да еще и обслуга вела себя так, словно Токарь – какое-нибудь нищее ничтожество и об него можно вытирать ноги! Этот уебок че, не способен отличить говно от человека?! С говном не может сидеть за одним столиком такая девушка, как Нина. Сонный шланг должен был сразу это понять и быстрее передвигать своими ходулями! Не хватало еще, чтобы Нина подумала, будто Токарь терпила! А вот хрен, не угадали, ребята! Токарь не был и никогда не будет терпилой!

– Спицами шевели, ферзь бомбейский! – рыкнул он на официанта. – Или у тебя здоровья до хуя?! Может, поделишься?

– Милый, ну прошу тебя, – Нина накрыла ладонью сжатый кулак Токаря, – ну что ты у меня такой нервный. А вы бы и правда могли быть чуточку расторопней, – с укором обратилась она к официанту.

Двое мужчин перестали есть и посмотрели в их сторону. Какое-то время они обдумывали, стоит ли вмешиваться, и, очевидно, решив, что это не их дело,

отвернулись.

Через секунду официант уже протирал столик.

– Ну вот, сразу бы так, – Токарь снисходительно кивнул несколько раз. – Да хорош уже шоркать, дыру протрешь, хе-хе.

Официант спрятал тряпку в карман и положил на стол два тощих меню. В руках у него появились блокнот и ручка.

Со скептической миной Токарь раскрыл меню.

– Мда…

Он поднял на Нину глаза и удивился: она с воодушевлением изучала перечень горячих блюд, то и дело облизывая губы, как это делают проголодавшиеся люди. И простота, с которой Нина держалась при этом, никак не укладывалась у Токаря в голове. Разве могла девушка, которая так шикарно выглядит, вести себя подобным образом? Токарю даже подумалось, что, возможно, Нина намеренно это делает, чтобы он не чувствовал себя неловко. Притворяется, будто не замечает убогости этого места, а на самом деле только и ждет, когда они уйдут отсюда.

От этой мысли Токарю еще больше сделалось не по себе. Он уже и впрямь собрался взять Нину за руку и увезти к чертям из этой помойки, но в последний момент, еще раз взглянув на лицо девушки, понял: Нина не притворялась. Постукивая наращенным ноготком указательного пальца по кончику носа, она с аппетитом выбирала себе завтрак.

Похоже, волноваться было не о чем. Тем более что им действительно нужно где-то поесть, а на трассе выбирать особо не приходится. Но все-таки что-то продолжало беспокоить Токаря, медленно пробуждая в нем отвращение к этому месту.

Отбросив меню, он протянул как можно небрежнее:

– М-да.

– Что такое?

– Придется, Лапа, хавать всякую херню, пока до города не доберемся.

– Ой, да перестань, – махнула рукой Нина и, лукаво прищурившись, глянула на Токаря. – На самом деле ты ведь так не думаешь, верно? Ты переживаешь из-за меня. Это так по-джентльменски: беспокоиться о том, куда сводить девушку на завтрак.

– Да завязывай. По-джентльменски… – буркнул Токарь. Не хватало еще, чтобы Нина читала его, как раскрытую книгу.

– Но, поверь мне, – продолжала девушка мягким голосом, – это глупо. Хотя и очень мило. Даже красотки с глянцевых журналов забывают обо всей этой мишуре, когда они влюблены. Неважно, где и чем ты завтракаешь. Важно – кто находится в этот момент с тобой рядом.

Она потянулась через столик, нежно поцеловала Токаря в губы и, серьезно посмотрев ему в глаза, прибавила:

– Со мной рядом – ты, а остальное для меня не имеет значения.

Сказав это, она, как-то уж совсем непринужденно подмигнув Токарю, принялась дальше изучать меню.

Ее духи оставили шлейф аромата фиалки и малины. С первого дня их знакомства от этого сладкого запаха у Токаря немного болела голова. Его обоняние привыкло к другому. К вони тюремных камер, десятка потных тел сокамерников, баланды и дохлых крыс, разлагающихся где-то под полами бараков. С годами этот зловонный коктейль начинал восприниматься как нечто естественное. И с каждым новым освобождением Токарю требовалось все больше времени, чтобы привыкнуть к благоуханию сотен тысяч ароматов, исходящих от сотен тысяч людей вокруг. Чем дольше человек находится за решеткой, тем ярче для него становятся цвета, а запахи сочней.

Токарь провел в заключении почти половину своей сознательной жизни.

Он отчетливо вспомнил лагерную вонь и сами лагеря, которых он повидал не один десяток, и внезапно до него дошло! Он понял причину странного чувства, которое сейчас испытывал. Дело было не в смущении перед Ниной за эту поганую жральню, а в нем само?м!

Эта девушка, само ее присутствие здесь заставило Токаря по-новому взглянуть на окружавший его мир, что он так любил и серость и безнадежность которого не замечал. Потому что воспринимал его как единственно возможный. Где такие вот закусочные сменялись лагерными столовыми, и наоборот. Красота Нины приоткрыла на глазах Токаря шоры – плотную повязку, которую, сам того не понимая, он носил всю свою жизнь. Жизнь, лишенную ярких красок и сладких запахов, красоты и изящества, утонченности и роскоши.

Нина контрастировала с этим местом настолько сильно, что не заметить этого было невозможно.

Слиток золота в центре огромной навозной кучи.

Токарь представил себе этот образ в голове и вспомнил, что подобные сравнения приходили ему на ум и раньше. В лагерях.

Насквозь пропитанный запахом баланды и табачным дымом, Токарь являлся частью того мира. Свой первый срок он отмотал еще до того, как попробовал героин. На «малолетке». С тех пор тюрьма стала для него домом, который Токарь покидал лишь на короткое время. Черные робы. Серые лица. Барачное зловоние, источаемое сотней тел, моющихся один раз в семь дней. Это был его мир, и другого он не знал.

Но иногда в этот вонючий черно-серый мир на короткое время приходили «вольные» люди, со свободы. Молоденькие девочки-адвокаты в цветастых платьях, жены и родители, приехавшие на свидание к своим родным. Их кожа пахла духами, разноцветная одежда кружила голову ароматом кондиционера для белья. Каждый раз, когда они проходили по плацу, Токарь провожал их пристальным немигающим взглядом, стоя за уличной сеткой изолированного локального участка для заключенных. Он смотрел на них до тех пор, пока они не скрывались в дверях помещения для свиданий. Они уходили, забирая с собой краски, и пространство вокруг зэков снова становилось серым, а воздух вновь пропитывался вонючим, вездесущим запахом баланды. И каждый раз к этому

приходилось привыкать вновь.

Можно всю жизнь ездить на «жигулях» и считать их хорошей машиной, но стоит однажды прокатиться на «Порше»…

И все же между тем чувством и чувством, которое Токарь испытывал сейчас, была огромная разница. Глядя на людей, на мгновение являвшихся с воли, Токарь, как и все заключенные на планете, предвкушал тот миг, когда и сам станет вольным. Радовался тому, что через какое-то время и ему придет срок освобождаться. Что большой дивный мир не закрыт для него навеки, а ждет с распростертыми объятиями. Надо лишь немного потерпеть. И тогда жизнь засияет всеми красками, предоставит самому распоряжаться собой и своими возможностями, выбирать только лучшее и иметь все, что только захочется. Надо лишь немного потерпеть. В очередной раз – потерпеть.

И вот он освободился.

Перед ним сидела Нина.

И большой мир Токаря, казавшийся ему сочным и разнообразным… поблек. Вернее, он, этот мир, никогда и не блестел по-настоящему. Просто Токарь не замечал. До настоящей минуты.

Он снова окинул помещение взглядом. И на этот раз брезгливость на его лице была искренней. Дешевая дыра! Одна из сотен других таких же, составляющих, по сути, всю Токареву жизнь.

Ему сделалось погано на душе. Но вовсе не из-за того, что это место не подходило его спутнице. Оно подходило ему. И самое херовое заключалось в том, что это и был его настоящий большой мир, и освобождаться из него было некуда.

«Ну ничего, вот доберемся до Сочи, там я отведу тебя в самый шикарный ресторан, – про себя обратился Токарь к Нине, отгоняя внезапный приступ черной депрессухи, – будем жрать каких-нибудь омаров и запивать коллекционным вином. Оденемся во все белое, а «пиковые» будут стоять возле нашего стола и играть на скрипках».

Он представил себе, как это будет выглядеть, и попробовал улыбнуться. Это не очень помогло. Тогда Токарь подумал о черном спортивном BMW, который он купит после того, как закончит с предстоящим делом, и о том, что скоро в его руках будет очень много чистейшего героина, когда он вместе с Винстоном заберет его у тупорылых цыган. Эти мысли немного успокоили. А подумав еще, Токарь и вовсе расслабился: что за чушь! Он просто уже давненько не «ставился». Его немного ломало. Отсюда и эта сраная депрессуха, вот и все. Завтра у него будет много лавэ, много героина, и он будет оттягиваться по полной с этой шикарной девочкой.

Нина оторвалась от меню и с веселым любопытством посмотрела на Токаря.

– Чему ты улыбаешься?

– Да так.

Глава 4

Официант переминался с ноги на ногу в ожидании заказа.

– Ты че, в сортир хочешь? – шутливо спросил Токарь.

– Э-э-э… нет.

– Тогда хер ли ты тут танцуешь?

– О, солянка! – весело воскликнула Нина. – Обожаю солянку. Тысячу лет ее не ела. Т-а-а-к… значит, я буду ее…

Парень зацарапал ручкой в блокноте.

– На второе я буду шашлык из баранины и салат из помидоров и зелени, заправленный маслом. А на десерт принесите пирожное с кремом и кофе. Спасибо.

Токарь слушал, постепенно округляя глаза.

– Ни фига себе! Ты все это съешь?

Нина с игривым вызовом вскинула бровь.

– А ты сомневаешься? Или боишься, что я располнею? Мне это не грозит. У меня всегда был отменный аппетит, но тебе не стоит об этом беспокоиться. Ты же видишь, я слежу за своей фигурой.

Ее ладонь скользнула по обтягивающей тело маечке. От груди до бедер. Затем снова вверх. Сжала нежно грудь. Наигравшись, девушка потянулась за сигаретой.

Токарь нервно сглотнул.

– Да в этом я и не сомневаюсь, – просипел он, услужливо поднося Нине свою позолоченную «Зиппо».

Взглянув на официанта, он заметил, как тот завороженно смотрел на грудь Нины.

– Ты куда вылупился, а? Я тебе сейчас зенки выскребу ложкой. Заказ неси!

– А? Да, конечно, – юноша залился краской. – А-а… вы что будете?

Токарь покосился на Нину.

Девушка с озадаченным видом вертела головой в поисках пепельницы. Казалось, она даже не замечала производимый ею эффект.

– Мне все то же самое. – Токарь захлопнул меню и отдал его официанту.

– И пепельницу, если можно, – попросила Нина.

– Одну минутку.

Когда официант подал пепельницу и удалился, Нина неожиданно спросила:

– А почему, собственно, «Токарь»? Это твоя профессия, что ли?

Токарь широко улыбнулся, оголив металлические зубы.

– Да какая профессия, лапунь? А почему ты только сейчас об этом спрашиваешь?

Нина пожала плечами.

– Не знаю. Как-то не задумывалась. Или неинтересно было.

– А теперь?

– И теперь не особо. Просто спросила.

Они замолчали.

Токарь, думая о чем-то своем, смотрел в дальний угол кафе. Дышащий на ладан вентилятор тщетно силился победить липкую духоту и разогнать спертый воздух в кафе. Двое мужчин закончили с супом и переключились на эклеры с чаем.

– Токарев потому что, – наконец ответил Токарь.

Нина пристально посмотрела на него, прищурившись и наклонив голову набок. Уголки губ насмешливо подернулись.

– И все? Так просто?

– А че такого?

С подносом в руках вернулся официант. Он торопливо расставил тарелки, стараясь не смотреть на Нину и тем более на Токаря, но все же, уходя, не удержался и бросил короткий взгляд в глубокий вырез Нининой футболки. К

счастью для него, на сей раз Токарь этого не заметил.

Нина добавила щепотку соли в суп и вернулась к прерванному разговору.

– Мне кажется, прозвище должно отражать сущность его носителя. Его характер. Убеждения. Или профессиональные навыки. Хоть что-то. А так получается какая-то бессмыслица: Токарь – потому что Токарев.

– Почему бессмыслица? – не понял Токарь. – «Прицеп» такой дали из-за фамилии, еще в школе. Так и прижился.

Нина зачерпнула ложку супа, попробовала его на вкус. Подумав, прибавила еще немного соли.

– Я неправильно выразилась. Конечно, определенная логика в этом есть. Даже вполне очевидная. Производное от фамилии и все такое, но, – она снова смешливо посмотрела Токарю в глаза, – не знаю… всю жизнь откликаться на какую-то кличку, которая по большому счету не имеет к тебе никакого отношения. То есть, я хочу сказать, ведь ты уже не мальчик. Тебе не кажется, что в твоем возрасте это как-то несолидно, что ли? Слишком примитивно. Прости, это грубо, я не хотела тебя оскорбить. Давай я перефразирую. В моем понимании, прозвище в первую очередь отличает от имени и фамилии то, что человек сам имеет возможность выбрать его себе…

– Я не знаю ни одного пацана, кто бы придумал себе погоняло сам, – перебил Токарь девушку.

– Ну пусть так, – согласилась Нина. – Ты прав. Когда кто-то сам выбирает себе кличку, это попахивает нарциссизмом. Но в любом случае, давать прозвища человеку должны люди, которые хорошо знакомы с этим человеком. Кто близок ему по убеждениям, кто хорошо его знает, то есть друзья. Только в этом случае прозвище будет действительно соответствовать его внутреннему миру.

– А почему вообще кликуха должна соответствовать внутреннему миру?

– Потому что в ином случае в ней теряется всякий смысл, а значит, пропадает и необходимость. Зачем тогда эта замена настоящего имени, которое было дано

тебе при рождении, на пустое, бессмысленное прозвище?

– Да че ты прицепилась ко мне с этими прозвищами? Говорю же, с детства привык, вот и все, – Токарь начинал закипать.

– А в шестьдесят лет ты тоже будешь Токарем? – На мгновение на лице Нины появилась с трудом уловимая тень брезгливой иронии. – Хотя о чем я спрашиваю…

И прежде чем Токарь успел найти, что на это ответить, Нина провела ладонью по его щеке и улыбнулась ему так, что у него перехватило дыхание.

– Не обижайся, пожалуйста, на меня, милый. Иногда мне самой хочется врезать себе по физиономии.

– Петухи обижаются. Думай, че городишь, – вырвалось у Токаря.

Нина изумленно на него посмотрела.

– Что?

– Ладно, проехали, э-э-э, я хотел сказать, это… извини, короче, – уткнувшись глазами в пол, выдавил из себя Токарь. Крайне редко ему доводилось извиняться перед кем-либо.

Но Нина и не думала обижаться. Напротив, ее губы растянулись в удивленной улыбке.

– Нет-нет. Не извиняйся. Все нормально. Я просто не совсем поняла, что это значит: «петухи обижаются». Какие петухи? Те самые, которые в тюрьме?

Токарь серьезно кивнул.

– А остальные люди, стало быть, не обижаются. А что тогда?

– Огорчаются, – ответил Токарь, подозрительно сдвинув брови. Ему казалось, Нина смеется над ним.

– Огорчаются?! – прыснула девушка. – Ты ведь шутишь, правда? Да ладно, серьезно? Так ведь даже нельзя сказать: «Я на тебя огорчаюсь». Это вообще на каком языке? Так может сказать гастарбайтер, для которого русская речь не родная. И что, если кто-то назовет тебя обиженным, ты… а действительно, что тогда?

– Ебасос ему расшибу. В лучшем случае.

Токарь нервно играл желваками, то и дело открывая и закрывая крышку своей позолоченной «Зиппо».

Но Нина, казалось, этого не замечает.

– Это просто фантастика, ха-ха!! Такая разница толкований! – Девушка отщипнула кусочек хлеба, закинула себе в рот и, глядя на Токаря, с переигранным театральным восхищением несколько раз похлопала в ладоши. – То есть ты изобьешь человека только за то, что он обратится к тебе на нормальном русском языке? Я уж не говорю о том, что за такую «провинность» в принципе людей бить нельзя. Откуда несчастному вообще было знать, что обращаться к тебе можно только на каком-то вымышленном, несуществующем языке?

– Кто надо, тот знает, – Токарь закипал.

– И потом, чем тебе вообще не угодило слово «обижаться»? На кой черт нужно было брать самый подходящий из глаголов, характеризующих это чувство, и заменять его на совершенно неправильное по смыслу слово? Ну хорошо, допустим, лично тебе наплевать на языковые нормы. Но за что же бить того, кто говорит правильно? Тебе-то какая разница?

Нина слишком поздно поняла, что перешла за черту дозволенного. Токарь вскочил с места, отшвырнул стул ногой и заорал на все кафе:

– Какая разница?! Один ебет, другой дразнится!!!

От неожиданности Нина вздрогнула. Улыбка медленно сползла с ее губ. Мужчины за дальним столиком покосились на Токаря, а официант предпочел не делать даже этого. С фанатичным усердием он дышал в стаканы, протирал их и ставил на место.

Красный, как рак, Токарь стоял неподвижно, буравя Нину своим жутким, свирепым взглядом. И всем, кто присутствовал при этой сцене, было совершенно понятно, что сейчас он борется с желанием разбить красивое личико своей спутницы.

В повисшей тишине отчетливо слышалось тяжелое дыхание Токаря. Он вбирал воздух полной грудью и с шумом выдыхал через ноздри. Так дышит разъяренный бык, растравленный матадором. И когда, казалось, Токарь уже собрался замахнуться, чтобы ударить девушку по лицу, Нина, хлопая ресницами, неожиданно пролепетала:

– Прости. Я, наверное, сказала какую-нибудь глупость.

То, с какой интонацией она это произнесла и, главное, с какой готовностью попросила прощения, даже не понимая, за что она его просит, мгновенно охладило Токаря.

Сама того не зная, а быть может и намеренно, Нина сыграла на древнейшем чувстве, свойственном таким людям, как Токарь. Сладком чувстве господства над женщиной, ибо нет для него в мире ничего более дурманящего, чем женщина, смиренно повинующаяся мужчине.

Разумеется, ничего подобного Токарь не подумал. Всю мыслительную работу проделали за него генетические духи предков.

Мощный выброс эндорфинов.

У Токаря закружилась голова. Ему захотелось обнять эту девочку.

На глаза Нины навернулись слезы. Она виновато улыбнулась и робким кивком головы «попросила» Токаря вернуться на свое место.

Он сел. Подбирая какие-нибудь слова, несколько раз причмокнул губами, но так ничего и не сказал.

Завтрак они закончили в молчании.

Первым заговорил Токарь, когда они перешли к кофе.

– Ты пойми, Нинок, на зоне…

Он осекся. Вглядываясь в глаза девушки, Токарь задумался. А надо ли ему вообще рассказывать ей об этом? Ведь понятно – девочка из другого мира. Что, если… как сказать… все эти истории о тюрьме и арестантских понятиях оттолкнут Нину от него? Напугают. Все-таки он не первый год живет на этом свете и прекрасно понимает, как девушки вроде Нины относятся к простым пацанам типа него самого. Разве ей объяснишь, что это не он такой, а жизнь такая? Она глупая, хоть и говорит умно?. Для нее жизнь по понятиям – это быдлятство, как они все любят сейчас говорить. Нет, слишком велик риск потерять ее. И так уже лишнего наговорил. Чудо, что она вообще еще не ушла после его выходки.

– Да неважно, в общем, – выдохнул он.

Нина понимающе кивнула и поднесла к губам чашку кофе.

Мимо прошел официант, неся поднос с двумя бутылками пива и какой-то закуской. Он остановился у дальнего столика. Получив свой заказ, двое мужчин глухо чокнулись бутылками.

Нина поглядела в их сторону и, улыбнувшись, вдруг предложила:

– Может, по пивку?

– По пивку? – оживился Токарь. – А че бы и нет!

Эта девочка нравилась ему все больше и больше. Мало того, что она покорно снесла его оскорбления и к тому же признала себя виноватой, так еще и нашла способ разрядить обстановку. Ай да умница, ай да золотце!

Он махнул официанту.

– Ой-ей, длинный! Принеси-ка нам пару «Хайнекенов»! Давай-давай, любезный, шевели булочками!

«А для вас я никто, как и вы для меня…» – с натужным хрипом запел телефон Токаря, лежавший на краю стола. Он скосил глаза на дисплей. Там высвечивалась фотография мужчины с болезненными тенями вокруг глаз и лихорадочным взглядом. Под фотографией моргала надпись: «Братка».

– Я ща, – сказал Токарь, вставая из-за стола. Взял телефон, вышел на улицу и только тогда ответил на звонок.

Глава 5

– Да, братан, здор-о?во… пожрать заехал… че?.. ну, думаю, через часа два – два с половиной буду на месте… Винстон, ты меня совсем за дебила держишь? Помню я все: приехал, осмотрелся, хуе-мое, короче, не учи папу любить маму. Скажи лучше, когда сам подтянешься?.. Понял. Ты выяснил номер и марку?.. Хорошо. Ладно, давай, мочим разбег.

Токарь положил трубку и записал в блокноте телефона: «Черный «МАН» Н-142-ТУ». Убрав телефон в карман, он посмотрел сквозь грязное оконное стекло кафешки на Нину. Девушка с аппетитом уплетала десерт. Словно почувствовав на себе взгляд Токаря, она посмотрела в окно. Они встретились глазами. Широко улыбнувшись, Нина помахала Токарю рукой. Невозможная белизна ее зубов ослепляла даже сквозь толстый слой оконной пыли.

Токарь рассеянно улыбнулся в ответ. Он смотрел на Нину и в этот момент испытывал целый вихрь чуждых ему чувств: нежность, волнение и какое-то совсем смутное чувство. Страх потерять Ее. И как только Токарь об этом подумал, он вновь вспомнил истинную цель своей поездки.

Он отвернулся.

Дорожное полотно дрожало у линии горизонта в утреннем мареве.

Токарь думал о том, как сказать Нине, что им придется провести эти выходные в каком-то придорожном клоповнике. Ведь они почти не знакомы. Что, если такая перспектива ее напугает? Хотя вряд ли. До сих пор казалось, что она готова ехать с ним куда угодно, не задавая никаких вопросов.

Токарь вспомнил, как вчера провожал Нину до дома и, сам того не ожидая, внезапно спросил ее: «Хочешь, мы завтра же поедем с тобой на юг, к морю?» Она взяла его руку в свои ладони. Задумалась на какое-то мгновение. Прикоснулась губами к его пальцам. «Хочу», – сказала она шепотом.

Странная она. То руки ему целует, то ни с того ни с сего эти руки пытается цапнуть. Вот как только что. Что это было? Вела себя как стервозная сучка. А через минуту уже сама извинялась. Хотя последнее-то как раз понятно. У Токаря часто просят прощения, когда он в гневе.

А может, она это вовсе и не со зла говорила? Да, скорее всего. С какого ляха ей на него злиться? Че он такого сделал? Ничего. Просто у молодежи сейчас так принято. Они друг друга на хуях таскают, и это у них считается нормальным. Приколы у них такие. Даже слово какое-то дебильное для этого есть. Что-то с орками связано. Или гоблинами.

В общем, черт их разберет, это поколение. Особенно баб. Токарь никогда не умел их понимать.

Медленно и рассеянно взгляд его проскользил между столиками уличного кафе; переплыл на трассу, на припаркованные машины, посеревшие от дорожной пыли, на чернеющие вдалеке крыши дачных домиков; перетек на высоковольтные провода, провисающие над вбитыми вкривь и вкось вдоль трассы столбами, на бездомных дворняг, вымаливающих объедки у таджика-шашлычника, и, наконец, снова вернулся к замызганному окошку убогого кафе.

Токарь встряхнул головой, как это делают, когда стараются собраться с мыслями, и развернулся ко входу. Открывая дверь, он решил:

«Надо поговорить с ней раньше, чем мы доберемся до этой сраной ночлежки».

Нина с наслаждением потягивала пиво, когда Токарь вернулся. В руках она вертела неприкуренную сигарету.

– Нина, – начал Токарь, протянув к девушке «Зиппо», – километров через триста гостиница будет. Нам придется провести в ней выходные.

Взглянув на него, она слегка улыбнулась и чуть заметно кивнула. В этих еле уловимых движениях отражались одновременно покорность и страсть, безграничная нежность и дьявольская похоть, любовь и вожделение. Она поняла его неправильно, но не воспротивилась, а приняла это как должное. Больше, чем приняла: на мгновение, глядя в ее большие темно-зеленые глаза, Токарю показалось, что она только и ждала этого. Невыносимо сладкая тяжесть внизу живота спутала его мысли. В горле пересохло. Он открутил пивную крышку и одним глотком влил в себя треть бутылки.

– Ну… э-э… нам ведь в любом случае нужно где-то переночевать. А заодно я встречусь там кое с кем… с другом.

– Ты не говорил, что с нами будет еще кто-то, – Нина вопросительно подняла брови. – Я думала, мы едем в Сочи вдвоем.

– Так оно и есть, золотце. Мой кореш, ну, мой друг, с нами и не поедет. Просто у нас там дельце одно есть, как раз в тех краях. Работенки на полдня, а потом разбежимся.

Он залпом допил пиво, кинул на стол пятитысячную купюру и придавил ее пустой бутылкой.

– Зато после этого у нас с тобой будет просто до херища таких вот бумажек. – Токарь постучал пальцем по банкноте. Подумав, весело хохотнул и добавил:

– Только зеленых.

Он ожидал, что Нина сейчас начнет его расспрашивать, что да как, он даже успел уже придумать более или менее правдоподобную историю о том, что, дескать, есть у него неподалеку от той гостиницы домик загородный или лучше коттедж, который он и намеревается продать своему приятелю… но Нина так

ничего и не спросила. Лишь еще раз кивнула.

– Ну что, тогда едем?

– Едем.

Они встали из-за стола.

– Эй, шланг! – весело крикнул Токарь официанту. – Сдачу себе оставь. Купишь че-нить, я не знаю, штаны, что ли, новые.

И, довольный своим щедрым жестом, подумал: «Да похер, не жалко. Пусть моя девочка не думает, что я какой-нибудь нищий чертила».

Официант машинально посмотрел на свои джинсы.

Выходя из кафе, Нина пропустила Токаря вперед и незаметно для него повернулась к официанту. Парень с оскорбленным видом смотрел им вслед.

– Извините, – беззвучно произнесла она одними губами и вышла.

* * *

Это снова я. Не удивляйтесь. И не злитесь за то, что отрываю вас от повествования. Мне неудобно за это, но я буду делать так и впредь. Потому что мне надо с кем-то поговорить. Разговоры, они успокаивают. Теплые, дружеские разговоры. Я и забыл, что это такое.

Я знаю все, что произойдет в книге дальше. В конце концов, ведь именно я рассказал эту историю автору романа, который вы сейчас держите в руках. Но от этого знания мне ничуть не легче. Скорее наоборот.

Когда вы перелистнете последнюю страницу и вспомните о том, что я только что сказал, у вас наверняка появится вполне закономерный вопрос, откуда я это мог знать. Все просто: моя болтовня – это художественная интерпретация автором моей истории; то, как он ее смог прочувствовать. Стилистический прием – вот

кто я такой.

Я сказал, что мне известно, чем закончится эта книга. Но вы же понимаете, что я не могу вам этого рассказать. Я своего рода всего лишь флешбэк. От событий, о которых вы читаете, меня отделяет временная пропасть в четыре года. Не будем зарываться, флешбэки не должны рассказывать о будущем.

Но зато я могу рассказать вам о прошлом. Своем, разумеется, прошлом.

Глава 6

Машина летела со скоростью в сто сорок километров.

Вальяжно развалившись в водительском кресле, Токарь изредка незаметным движением, одним пальцем корректировал положение руля. Черная и гладкая, как новая сковородка, трасса М4 расслабляла до сонной зевоты. Скучно это – ехать на новой машине по идеально ровной дороге.

С тяжелыми веками Токарь смотрел вперед на усыпляющее мельтешение дорожной разметки. Он широко зевнул и сонно перевел взгляд на уходящий в бесконечность хвойный лес по левой стороне дороги.

Природу Токарь любил, лишь когда она была недосягаемо далеко, когда его окружали бетонные стены лагерного барака. Вот тогда он, как и большинство заключенных, мечтал о «домике в деревне». И чтобы рядом – озеро. И обязательно рыбацкая лодка.

Отгороженный от всего мира колючей проволокой, Токарь представлял себе, как ранним утром выходит на крыльцо, сладко потягивается, выпивает стакан парного молока, может быть, делает зарядку. Потом берет свою удочку и идет отвязывать лодку. На ней он выплывает на середину маленького озера и до обеда ловит карпов. Токарь много раз рисовал эту картину в своем воображении, причем фантазии его никогда не заходили дальше ловли рыбы. Он попросту не знал, что еще можно делать в деревне.

Но как только он оказывался на свободе, то тут же забывал и о домике, и о лодке, и о прочей крестьянской идиллии, с головой окунаясь в героиновое веселье городской жизни.

Да и всплывали эти деревенские образы в фантазиях Токаря все реже.

Он уже давно относился к лагерям и тюрьмам как к родному дому. И когда его в очередной раз хватали за жабры и волокли через обвинения, суды, этапы в лагеря, он не испытывал ни малейшего страха. Скорее наоборот. В определенной степени он радовался, предвкушал встречу со старыми знакомыми, корешами. Среди простых зэков он был богом. Он был блатным. Он был одним из тех, кто управлял тем закрытым от внешнего мира государством. Он, а не менты. Чего ему бояться? О чем тосковать? Здесь все было по понятным ему законам. И эти законы существовали во благо Токаря и ему подобных. Тут восхищенно заглядывали ему в рот; тут вставали по стойке смирно, как сурикаты, когда он входил в камеру, тут ползали на карачках животные, петухи, не-люди, боясь пересечься с ним взглядом, хотя Токарь никогда не доходил до того, чтобы издеваться над ними совсем уж без повода, – справедливый правитель не беспределит; тут были огромные деньги, когда к нему в лапы попадал жирный «кошель» – какой-нибудь барыга, набитый деньгами и трусостью. «Казнить нельзя помиловать» – тут он ставил запятые.

Токарь не скучал по тюрьме. Но и не горевал, когда возвращался в нее.

Фантазии о собственном райском уголке на воле спасают психику зэка только в первый срок. На второй они блекнут. На третий в них уже нет необходимости. Расставание со свободой становится обыденным делом. Ты без истерик уходишь из одного мира и спокойно входишь в другой. Твои мысли о воле становятся прагматичными: как распорядиться нахапанными у перепуганных барыг деньгами, кого из знакомых отправить к маме передвинуть шкаф. Как проследить за женой, чтобы не блядовала, и прочее.

Так что Токарю уже давно было наплевать на этот домик в деревне. Все это для тех, кто не может спокойно жить взаперти.

О футболе, как правило, мечтают инвалиды в колясках. Но если они снова начинали ходить, футбол посылался в задницу.

Токарь инвалидом не был. Ноги его легко носили по лагерным прогулочным дворикам.

По левой стороне, вдалеке, замаячило унылое дачное общество. Даже само название – дачное общество – вгоняло Токаря в тоску и скуку. Че там делать, в этом обществе? Там и карпов-то нет. Там ничего нет. Там нечем поживиться. Даже если собрать всех дачников вместе и вывернуть их наизнанку, сколько он поимеет? Пару десятков тысяч?

Другое дело – крупные города. Рай для бандита. Ежедневно в них совершаются сотни преступлений. Менты завалены работой по самое горло. Грабь – не хочу. И хрена кто тебя найдет в таком бедламе. В мегаполисах всем на все насрать, кроме себя. Люди светят своими котлами, портмоне, кредитками, и им даже в голову не приходит, что Токарь уже их отсканировал и наметил в жертвы. Главное – избегать сто пятой, сто одиннадцатой, сто шестьдесят второй. Кража или, на худой конец, ограбление. Токарь старался сводить риски к максимум пятилетнему заключению.

А хоть бы и сто пятая.

Шесть лет назад Токарь по пьяни завалил какого-то дерзкого патлатого уебка-байкера. Во дворе собственного дома. Бросил его труп в кусты, за гаражи. Шатаясь, как смог, оттер его от своих пальчиков. Мотоцикл в тот же вечер скинул знакомому перекупу. Потом закутил у каких-то шалав и через два дня вернулся домой.

И что?

А ничего.

Байкера нашли только тогда, когда он уже смердел так, что к гаражам подойти было нельзя.

Нашли. Увезли. Может быть, даже кого-нибудь посадили.

Но не Токаря.

Да, Токарь любил города. Любил ощущать их ночную лихорадку. Рестораны, девочки, наркотики, удачный гоп-стоп и снова рестораны… Настоящая жизнь. Нескончаемый праздник. Если, конечно, не считать легавские облавы.

Мысль о полиции заставила Токаря поморщиться, будто он проглотил лимон.

Как бы ему хотелось, чтобы предстоящая акция (это слово казалось Токарю более стильным, чем какой-нибудь обрыдлый «налет» или сопливое «ограбление») проходила в Москве или в том же Сочи, да в каком угодно городе, лишь бы не у гостиницы, в которую они сейчас ехали. Не нужно быть гением или иметь такой криминальный опыт, как у Токаря, чтобы понимать, насколько это рискованно – работать у всех на виду, к тому же средь бела дня. Любой школьник знает: акции следует проводить по ночам, и не абы где, а в бетонных лабиринтах огромного города, с миллионами копошащихся в нем людишек.

Правда, этот раз вроде как должен быть исключением. Винстон правильно рассудил, бояться нечего: хитрожопые ромалэ не побегут в полицию. Они же не идиоты. Что они там скажут? «Помогите, нас ограбили. Украли несколько ящиков яблок, напичканных чистейшим героином!» Смешно. К ментам они, конечно же, не пойдут. Более того, даже если мусоров вызовет кто-то другой, например какой-нибудь придурок-свидетель с гражданским долгом вместо мозгов, то даже в этом случае барыжки с пеной у рта будут открещиваться: «Какое ограбление, начальник, э-э, что ты?! Просто друзья так пошутили!» Да, сраное государство сильно завинтило гайки: теперь уже не нужно заявления от потерпевшего, чтобы тебе скрутили ласты. Достаточно самого факта преступления. Но если нет заявления, а сам факт не очевиден, кто будет шибко разбираться? Уж точно не мусора.

Так что…

«Все будет тип-топ, все будет чики-пуки», – скривив рот в ухмылке, резюмировал про себя Токарь.

Глава 7

Мы считаем, что мы бессмертны. Если выразиться точнее – мы всегда думаем, что смерть настигнет нас еще очень не скоро. Мы думаем так, даже когда возраст наш перевалит за седьмой десяток. Нам невозможно представить себя мертвыми, и поэтому мы бессмертны в собственных глазах. Не бог весть какая мудрость, я знаю. Пошлая и не совсем верная. Но ведь суть от этого не меняется. Мы отказываемся верить в собственную смерть. Она всегда для нас неожиданность.

Почти всегда.

А вот еще большая банальность: «Свои страхи нужно перебарывать».

Так я сказала Герману.

Просто ляпнула, когда мы пили белое дешевое вино на заднем дворе музыкального колледжа имени Мурова, в котором вместе учились. В тот вечер было прохладно, и я бы предпочла красное. Мы были пьяные и влюбленные. Студенты второго курса. Нам нет и двадцати.

«Свои страхи нужно перебарывать».

Я боюсь скорости.

«Маленькая моя, есть склоны для начинающих».

Мы пьем из пластиковых стаканчиков на брудершафт, потому что нам приятно находить повод для поцелуев. Нам нравится поднимать пафосные тосты, признаваться друг другу в любви. Нам девятнадцать.

Если ты боишься высоты – поднимись на четыре тысячи метров с парашютом за спиной.

Лично я боюсь скорости.

Мы познакомились на первом курсе. Уже тогда Герман играл в рок-группе на ударных. Он драммер от Бога. Обучение давалось ему легко. По крайней мере, если сравнивать со мной. Он взял в руки палочки еще задолго до того, как подал

документы в колледж. Смешно слушать записи их первых «хитов», записанных на диктофон телефона во время игры на репетиционной точке. Прямая «бочка», кривые, сбивающиеся с такта, долбания по «рабочему». И все же это уровень как минимум второкурсника. А к тому времени, как он поступил, он мог заткнуть за пояс выскочек с четвертого. Собственно, благодаря этому мы и подружились. Мне нужен был кто-то, кто смог бы меня натаскать на практике. Я рвалась жить. Мне не терпелось собрать свою команду. Сколько себя помню, я мечтала стать барабанщицей. Теория и обучение в колледже – это конечно хорошо, и бросать учебу я не планировала, но и терять времени мне не хотелось.

Так мы говорим, когда рассказываем о том, как мы познакомились. На самом деле все немного иначе. Мне действительно хотелось найти себе преподавателя для дополнительных занятий. И пускай Герман был выше меня на голову по уровню мастерства (если вообще можно говорить о каком-то мастерстве, когда речь идет о первокурсниках), все же на роль учителя он не тянул. Но именно он стал моим «Учителем». А я – его единственной «ученицей». Нам хотелось проводить вечера вместе, и это был замечательный повод.

Мы оставались после занятий и терзали старую, прошедшую через тысячи барабанных палочек учеников ударную установку, пока нас не выгоняли.

Он красив. Он знает это. И тем забавней было наблюдать, как он робел передо мной в первую неделю нашего знакомства.

Свои страхи нужно перебарывать.

Я сижу перед инструментом. Сжимаю обмотанные изолентой барабанные палочки. Герман сидит за мной, прижавшись вплотную. Спиной я чувствую, как колотится его сердце. Ощущаю его дыхание на своей шее. Он рассказывает мне о Ките Муне, о Билле Уорде, Роджере Тейлоре. Нет, он не решится. И это прекрасно. Герману не составит труда уложить в постель любую с нашего потока, но сейчас он робеет, хотя я вижу, что он хочет того же, чего и я. Влюбленность превращает самоуверенных красавцев в нерешительных мальчиков. Он берет мою кисть в свою ладонь и показывает, как нужно извлекать чистый звук из открытого хай-хэта. Уорду было бы стыдно за нас. Наши руки слегка трясутся. Звук выходит отвратительный.

Страхи нужно преодолевать.

Я поворачиваюсь к Герману вполоборота. Уорд смущенно и понимающе улыбается, оставляет нас вдвоем.

Говорят, первый поцелуй остается в памяти навсегда. Я его почти не помню. Но до конца дней своих буду помнить наш первый поцелуй с Германом.

* * *

Смятая пустая пачка из-под сигарет вылетела в окно и угодила под колеса едущего сзади «уазика».

Токарь с тоской повертел в руках последнюю сигарету и вставил в рот. Прикурив, он взглянул на Нину. Она сидела рядом и уже битых десять минут что-то искала в недрах своей сумочки.

– Да вытряхни ты свое барахло на заднее сиденье, – посоветовал Токарь.

– Нашла уже.

Девушка извлекла из сумки крохотную флешку размером с ноготь.

– Ты не против, если я включу музыку?

Токарь пожал плечами.

– Да ради бога.

Подключив свой смартфон через блютус к машине и выбрав композицию, Нина нажала на «плей».

Полуэлектронные басы заиграли вступление.

– Это «Касабиан», – пояснила Нина.

Токарь поморщился.

– Рок? Я, если по-чесноку, такое не слушаю.

– Выключить?

– Да нет, слушай на здоровье.

Отыграв вступление, неизвестные Токарю музыканты перешли к куплету. К ритм-секции ударных и бас-гитары прибавился дерзкий вокал Тома Мейгана:

One, take control of me

You're messing with the enemy

Said it's two, it's another trick

Messin' with my mind, I wake up…

Нина закрыла глаза и откинулась на спинку сиденья. Пальцами начала легонько постукивать по коленям в такт музыке; губы синхронно с певцом нашептывали слова куплета. Она знала текст наизусть.

– Это хорошая музыка, – сказала Нина, не поворачивая к Токарю головы и не открывая глаз, – я на ней выросла. «Мьюз», «Колдплей», «Радиохед», «Касабиан»… наши так не умеют. Или не хотят. Да нет, наверное, все-таки хотят. Просто ни черта не получается.

Токарь с сомнением на нее покосился.

– Ну, не знаю. Не слушаю я такое. Песня должна быть со смыслом. Жизненная. Наговицын там, Круг, «Лесоповал»… чтоб за душу цепляла, понимаешь?

Улыбнувшись, Нина как-то странно на него посмотрела.

– А как у тебя с английским, милый?

– Не понял?

– Ну, насколько хорошо ты знаешь английский язык?

– Я его вообще ни хрена не знаю, – выпалил Токарь простодушно.

– Тогда почему ты решил, что в этих песнях, – Нина кивнула на магнитолу, – нет смысла?

– Ну, может, и есть. Только какой? Слов-то я не понимаю.

– А разве обязательно понимать слова?

– Ясен пень! – удивился Токарь вопросу. – А как же!

– Музыка, – сказала Нина, – это в первую очередь экспрессия. Эмоции. Она должна воздействовать на человека на психоэмоциональном уровне, понимаешь?

– Нет, – честно ответил Токарь.

Нина устало вздохнула.

– Салюты. Ты любишь салюты?

– При чем тут салюты? Какие еще салюты? На Новый год которые пускают, что ли?

– Да, блин, фейерверки, обычные фейерверки!

– Ну, люблю.

– Вот, – Нина подняла вверх указательный палец. – А за что ты их любишь? Чем они тебе нравятся?

– Че за вопросы? Я вообще не въезжаю. Потому что они красивые, епта, че тут непонятного?

Нина кивнула.

– Красивые, – повторила она и победоносно улыбнулась. – То же самое и с песнями. Совсем необязательно понимать слова, чтобы наслаждаться красотой музыки. Скорее, даже наоборот: восприятие песни намного чище, когда слушателя не отвлекает необходимость вдумываться в смысл текста. Незнание языка стимулирует воображение. В этом и состоит искусство музыки: передать эмоции посредством звуков, оставляя простор для субъективного восприятия. И с этой точки зрения не существует никакой разницы между музыкальными произведениями без вокальной партии, будь то классика или клубная электроника, и песнями, потому как вокал – это такой же музыкальный инструмент, как и, скажем, балалайка.

Нина вытащила изо рта Токаря сигарету, сделала пару коротких затяжек и вернула обратно.

– И с живописью все примерно так же, – продолжала она, выпустив через ноздри две тонкие струйки дыма. – Классика есть классика, и как ее воспринимать, знает каждый. Хотя бы приблизительно. А вот как смотреть на полотна Гогена или Лотрека? Я уже не говорю о Кандинском.

Токарь откашлялся.

– Мне эти фамилии ни черта не говорят, но я так понял, речь о какой-то мазне?

– Ну типа того, – весело рассмеявшись, сказала Нина, – мазня. Но ка?к воспринимать ее, если ни фига непонятно?

– Да никак. Мазня – она и в Африке мазня. С дебилов капусту стригут, вот и все.

– Ошибаешься, – Нина помотала головой. – Снобизм не смог бы просуществовать так долго, да еще и занять почетное место в мире искусства.

Токарь отмахнулся.

– Ай, да дерьмо это все собачье. Напридумывали кучу красивых слов, чтобы оправдать свое неумение рисовать, а вы рты и раскрыли.

– Согласна. Всевозможных стилей – как у дурака фантиков, и порой многие из них оказываются пустышками. И ослиным хером «творили», и собственной спермой…

– Фу, блять.

– …Но я говорила в общем, о классической и беспредметной, абстрактной живописи. В чем красота Данаи, понятно и пэтэушнику. А вот в чем великолепие картин того же Клайна?

– Ты о каких-то каракулях, да?

Нина весело кивнула.

– Да.

– В душе? не ебу.

– Да очень даже просто: смотри и получай наслаждение от гармоничного распределения цветовых пятен. Видишь, мы опять вернулись к фейерверкам. Салют завораживает тем, что окрашивает черное небо десятками ярких цветов. И опять же, тут тебе и музыка. Ведь беззвучные разноцветные сполохи в ночном небе выглядят не так эффектно, нежели когда слышно грохот разрывающихся петард. БА-БАХ! И этот «БА-БАХ» в таком контексте – самая что ни на есть музыка!

Глаза девушки горели. Она по-турецки уселась на сиденье и всем телом повернулась к Токарю.

– Фейерверк радует твои глаза и уши, и ты не ищешь в нем никакого смысла. Ты просто получаешь удовольствие от созерцания, усиленного музыкой взрывов. То же и с абстракционизмом. Правда, там восприятие только лишь через зрение.

– Хуйнуть в холст ведро краски и я могу, хе-хе, – перебив Нину, пошутил Токарь, однако она не засмеялась. Напротив, лицо девушки стало серьезным. Возбуждение в глазах сменилось разочарованием, а следом и ледяным безразличием. Она скинула ноги на пол, развернулась к лобовому стеклу и,

глядя вперед, сухо закончила:

– Ни хрена ты не можешь. Чтобы «хуйнуть» в холст ведро краски и при этом получить шедевр, нужна профессиональная база, огромный багаж технических навыков художника. А у тебя получится просто… клякса. И вообще мы отвлеклись. Мы говорили о музыке. И все, что я хотела сказать, это то, что зачастую перевод на фиг не нужен. Миллионы людей ходят в театры на итальянскую оперу, ни слова не понимая по-итальянски, и получают при этом огромное удовольствие. А если тебе так уж важны слова, читай поэзию. Она для того и придумана.

– Слушай, ты че злишься-то? – Токарь раздраженно зыркнул на Нину. В случаях, когда женщины начинали показывать ему свой характер, он всегда предпочитал контратаковать. – Че я такого сказал? Вот ты такая умная, сейчас втирала мне всю эту бодягу, мол, слова неважны, слова неважны, – а может быть, они нас на хуй посылают в своих песнях, а мы и радуемся.

– Кто посылает? – опешила Нина.

– Да америкосы твои.

Он снова поглядел на Нину и мгновенно нахмурился: опять этот взгляд. Опять она смотрела на него так, словно… презирала?

Затянувшееся молчание нарушил, перекрывая музыку, звонкий смех Нины. «Бля!» – выругался про себя Токарь, по-детски вздрогнув от неожиданности.

– Че ржешь?

– А знаешь, может, ты и прав! Я как-то совсем позабыла об этом, ха-ха-ха!

Все еще смеясь, Нина выкрутила громкость на максимум, когда Мэтью Беллами ударился в гитарное соло, сняла кроссовки и закинула ноги на широкую приборную панель внедорожника. Усевшись таким образом, она отвернулась к окну.

И сразу же умолк ее добродушный смех.

Чувство брезгливости и отвращения накрыло ее волной.

Глава 8

Нина пыталась взять себя в руки. Она разглядывала крошечные фигурки дачников, орудовавших на своих участках лопатами и поливочными шлангами. Некоторые из них просто загорали в шезлонгах, обмотав головы марлей. Иногда движения дачников попадали точно в ритм музыки, и тогда Нине казалось, что она смотрит какой-то чудной видеоклип.

Природа действовала на Нину успокаивающе. Ее просторы дарили чувство настоящей свободы. Как и Токарь, Нина росла в душной квартире мегаполиса и, как все горожане, выбиралась за город лишь на короткое время, на пикник или с палатками на озеро. Но каждая такая поездка надолго оставалась в ее памяти приятным воспоминанием. Выезжая с компанией куда-то за город, Нина старалась отыскать там поле. Такое, чтобы, куда ни повернись, взгляд упирался бы в горизонт, а над головой висело бесконечное небо, низкое, рукой можно достать. Друзья давно привыкли к этим ее исчезновениям посреди совместного отдыха, когда она брала с собой пластиковый стаканчик с пивом, сигареты, немного закуски и уходила, чтобы устроить свой собственный пикник в центре вселенной.

И в такие минуты она ощущала мистическое единение с чем-то, что было за гранью обычной, земной красоты; проникалась его величием, пропускала через себя. Лежала, утонув, в душистой траве и ждала наступления темноты, ждала, когда на небе проявится звездная россыпь. Она смотрела в космос часами, и иногда, бывало, даже засыпала до самого рассвета.

Умиротворение. Вот что она испытывала в такие моменты.

Нина зажмурилась и мысленно перенеслась в центр огромного поля, под купол низкого неба.

«Касабиан» сменился квартетом группы «Кин», затем заиграла «Зэ Промес» в исполнении Криса Корнелла, а Нина все сидела с закрытыми глазами,

представляя себя лежащей в густой траве, в бесконечном пространстве миллионов галактик.

И лишь когда Токарь переключил магнитолу на радио «Шансон», Нина вернулась в машину. Вместо Криса Корнелла из динамиков на весь салон кто-то кричал прокуренным голосом о мусора?х и о счастливом детстве на малолетке, но это было уже неважно. Нина успокоилась. Она снова стала такой, какой ее должен был видеть Токарь.

Поселок остался позади, и теперь по обеим сторонам трассы золотистым ворсом потянулись луга пшеницы. Они уходили вдаль до самого горизонта, и там сливались с бледно-голубым небом.

Широко улыбнувшись, Нина резко повернула голову к Токарю и спросила:

– А у тебя осталось еще?

Токарь не сразу понял, о чем идет речь, а сообразив, коротко и весело ухмыльнулся.

Этим утром, когда они закончили собирать все необходимые для путешествия вещи, Нина совершенно неожиданно предложила… покурить травку. «В наших жизнях, милый, происходит смена вех, – кажется, так она выразилась, – и было бы здорово отметить это событие». «Чего тебе плеснуть?» – поинтересовался Токарь, открывая небольшой бар, в котором стояли несколько бутылок разной крепости напитков. «Нет, я не об алкоголе». Она заговорщицки прищурилась, а когда Токарь понимающе осклабился, закончила фразу: «Скрути нам косячок». Причем Нина сказала это таким тоном, словно была уверена в том, что у Токаря непременно должно быть с собой хотя бы немного марихуаны или, по крайней мере, он может достать ее в кратчайшие сроки.

И она не ошиблась.

Токарь слегка сбросил скорость.

– В бардачке пошарься, – сказал он.

Нина, скинув ноги с панели и подобрав их под себя, открыла бардачок. Под грудой разного бумажного хлама она нашла то, что искала – трубку и прозрачный пакетик с марихуаной.

«Ловко», – подумал Токарь, искоса любуясь тем, как аккуратно и быстро Нина набивала трубку.

– Подай зажигалку.

Девушка поднесла огонь к трубке и, обхватив губами мундштук, сделала глубокий вдох. Темно-зеленая трава вспыхнула рубином. Глаза Нины заблестели, и Токарь готов был дать голову на отсечение, что увидел, как в них отразилась матово-черная гладь дороги. В секунду зрачки ее расширились, скрыв почти всю радужную оболочку. Нина свернула губы трубочкой. Столбик плотного сизого дыма разбился об лобовое стекло, расползся по его поверхности. Пространство машины заполнилось густым туманом и едким запахом тлеющего чая.

Еще раз вобрав в себя дым, но не затянувшись, Нина придвинулась к Токарю вплотную и медленно выпустила тонкую прозрачно-синеватую струйку дыма в его приоткрытый рот.

Дым привычно обжег легкие.

Они повторили во второй раз: сперва Нина, следом Токарь.

Токарь крепче ухватился за руль.

Постепенно тоскливый экстерьер за тонированными стеклами начал преображаться, обретая привлекательность сюрреалистической сказки. Это были не зрительные галлюцинации. Чтобы их вызвать, Токарю требовались куда более сильные стимуляторы. Нет, это было его одурманенное воображение, мощная волна наркотической эйфории, из-за которой все вокруг всегда становится привлекательным, немного нереальным, цвета – насыщенней, и в простых звуках слышится красивая мелодия.

Токарь расплылся в глупой беззаботной улыбке. Трезвости ума вполне хватало для того, чтобы не забывать о дороге, поэтому он перестал пялиться в боковое

окно и сосредоточился на черной ленте трассы. Белые разметочные полосы потихоньку стали замедлять свой бег. Теперь они заползали под железное брюхо машины с черепашьей скоростью. Так медленно, будто «Патрол» ехал не больше десяти километров в час. Заторможенно моргнув, Токарь опустил глаза на спидометр.

Сто пятнадцать.

Он придавил педаль газа. Стрелка на спидометре рывком перескочила на отметку в сто двадцать пять, но чертовы полоски и не думали ускоряться. Продолжать Токарь не стал. Не такой он дурак, чтобы купиться на коварство этой забойной травки.

Нина смотрела в боковое окно со своей стороны. Ее руки покоились на коленях, сжимая зажигалку и погасшую трубку. Голову откинула на широкий кожаный подголовник.

– Палитра Сислея, – сказала она ровным, отрешенным голосом, чуть низким, с сексуальной хрипотцой.

– А?

– Зелень деревьев, прозрачная голубизна неба, бежево-желтая глина и песок обочины, а солнце – ослепительный кадмий. Любимые цвета художника Сислея.

– Хе-хе.

– Ты чего?

– Сислей. Смешная фамилия.

– Да уж, обхохочешься, – Нина поморщилась, кисло посмотрела на магнитолу и опять включила свой плей-лист. Блатные песни никак не ассоциировались у нее с художником-импрессионистом.

Они умолкли, погрузившись каждый в свои пьяные мысли. Остекленелые глаза Токаря смотрели прямо перед собой, на дорогу.

– Си-и-сь-л-е-ей, – проговорил он с такой интонацией, с какой обычно говорят люди в фильмах, когда изображают, будто они под гипнозом или заколдованы.

Нина хмыкнула, затем еще раз, потом она стала мелко смеяться, все громче и громче, и наконец закатилась настоящим хохотом. Она хохотала как сумасшедшая, и от этого ее безумного гогота Токарю сделалось не по себе. Противный холодок пробежал по его телу. Впрочем, он тут же нашел этому объяснение: травка. От нее часто «садишься на измену».

* * *

Я обещал рассказать вам о своем прошлом.

Наверное, мне стоило бы начать с того, как я здесь оказался. Я не о карцере. Я о том, как я попал в тюрьму. Но вы уж меня извините, как раз об этом я совсем не хочу говорить. Не потому что я совершил что-то постыдное или какое-то зверство, о котором мне теперь страшно вспоминать. По крайней мере, я так не считаю. Я сделал то, что должен был сделать. Ради нее. Будь у меня возможность вернуть время вспять, я бы поступил так еще раз. Да, поступил бы!

Я не хочу об этом говорить, потому что мне тяжело это делать. И хватит.

Сейчас, спустя четыре года, я снова чувствую вкус жизни. В окружении серых стен, серых лиц, моя туалеты. В дерьме. В боли. Я все же чувствую ее вкус. Но так было не всегда.

Забавно. Теперь моя жизнь висит на волоске, и я пытаюсь за этот сраный волосок ухватиться. Все-таки мы жизнелюбивые животные, а остальное – лишь громкие слова. Подыхать не хочется, несмотря ни на что. Даже когда кажется, что продолжать жить не имеет смысла, инстинкты говорят нам об обратном. Без нее мне жить не хотелось. Сопли, сопли, розовые сопли. Но именно так я себя и чувствовал. И, признаться, в сущности, мало что изменилось.

Что-то не выходит у нас с вами общение. Хреновый я собеседник, признаю.

Я хотел стать музыкантом. Играть на ударных. Все говорили, что у меня талант; что меня ждет головокружительная карьера. И все ошиблись. Я могу вам сказать с абсолютной уверенностью, что меня ждет. Долгая и мучительная смерть, если я не решусь сделать то, что задумал. Меня забьют, как собаку. Ногами, обломками прикроватных тумбочек, металлическими трубами – чем придется.

И когда я говорю, что меня убьют, я отнюдь не преувеличиваю.

Глава 9

Черный «Патрол» слегка притормозил перед дорожным указателем и сразу же рванул вперед, набирая прежнюю скорость.

– Как твоя нога? – Токарь глянул на эластичный бинт, туго обтягивающий левую лодыжку Нины.

Девушка покрутила ступней из стороны в сторону, прислушиваясь к ощущениям.

– Ничего, почти прошла. Думаю, бинт уже не нужен.

Она снова закинула ноги на приборную панель, дотянулась до повязки, размотала ее и, не глядя, швырнула на заднее сиденье. Какое-то время Нина молча разглядывала свои голые ступни, словно видела их впервые.

– Нет ничего красивее стройных женских ножек, облаченных в роскошные итальянские туфли на высоких шпильках, – она изящно провела большим пальцем ноги по лобовому стеклу, рисуя невидимые зигзаги, – но я так и не научилась их носить.

Она вздохнула и как-то виновато взглянула на Токаря.

– А я думал, все тел… девушки умеют это делать, – сказал Токарь, выходя на обгон семейного минивэна.

Нина снисходительно усмехнулась.

– Ну да. А каждый мужик может без труда перебрать двигатель или автомат Калашникова. Глупости. На ютьюбе полно роликов как раз о таких «королевах подиумов». Посмотри, и ты поймешь, что далеко не каждая женщина умеет ходить на высоких каблуках. Потому что это ни черта не так просто, как вы, мужики, думаете. И вернись, пожалуйста, на свою полосу, милый, пока мы не поцеловались вон с тем грузовиком.

– Опа! – спохватился Токарь, спешно забирая вправо.

Протяжно сигналя, грузовик пронесся в каком-то метре от их машины.

Токарь посмотрел на Нину и восторженно покачал головой: она была совершенно спокойна. Мурлыкала себе под нос слова песни, поводя в такт плечами. Она двигалась просто и вместе с тем так эротично, что Токарю стоило больших усилий еще раз не потерять контроль над дорогой. Выкуренная травка удваивала возбуждение. Его ладони вспотели.

Игриво поглядывая на Токаря, Нина провела кончиком языка по своим белоснежным зубам. Потянулась к магнитоле. Переключила подряд несколько песен. Ненадолго задержалась на одной, затем переключила еще раз и остановилась.

«Kar-ma-po-lice», – затянул Том Йорк, когда Нина коснулась губами уха Токаря и прошептала:

– Эта песня сносит мне крышу, милый.

Глава 10

Она провела языком по его уху. Легонько прикусила мочку. Опустилась ниже. Поцеловала шею. Медленно задрала его футболку. Когда Нина дотронулась губами до его соска, Токарь на секунду потерял управление. Машину дернуло в сторону. Это развеселило Нину. Хихикнув, она опустилась еще ниже. Поцеловала

живот. Двумя пальцами оттянула резинку его спортивных штанов. Через трусы провела языком по набухшему члену.

Когда она это сделала, Токарь внезапно изменился в лице. Глаза полыхнули гневом. Медленно, как бы нехотя, сползла блаженная улыбка. Сквозь зубы он процедил:

– Ты че собралась делать?

Нина вскинула на него глаза.

– А как ты думаешь? – она облизнула губы. – Не отвлекайся. Я хочу сделать тебе приятно.

В тишину пустынной трассы ворвался визг стираемой об асфальт резины. Машина пошла юзом, оставляя позади себя черные полосы от шин. И еще не до конца остановился джип, еще скрипел всем своим корпусом, словно возмущенный таким с ним обращением, как Токарь выскочил из него, пулей оббежал капот и распахнул дверь со стороны ошарашенной Нины.

– Пошла на хуй отсюда!

– Ты что?

– Я сказал, вали!

Он схватил Нину за руку и рывком буквально выбросил ее из машины. Нина упала на землю.

– Да что с тобой?! Что… что я сделала?!

Она неловко поднялась на ноги. Из разодранного об щебенку локтя сочилась кровь. По щекам текли слезы. Смешиваясь с тушью, они оставляли на лице черные полоски.

«В таком виде она еще прекраснее», – машинально подметил Токарь и чуть ли не взвыл от отчаяния.

Он замахнулся, хотел ударить ее по лицу.

Но Нина даже не шелохнулась, все так же продолжая смотреть на него блестящими от слез глазами. И в глазах этих Токарь не увидел ни упрека, ни страха. Как и в прошлый раз, в них отражалась лишь преданная покорность.

Токарь опустил руку. И уже без злобы, но голосом человека, который очень хотел бы, но не в силах ничего изменить, тихо выдавил:

– Ах ты сосалка чертова.

Открыв багажник, Токарь вытащил дорожную сумку девушки и швырнул ей под ноги.

Босиком, с растрепанными волосами, беспомощно опустив руки вдоль тела, Нина стояла и растерянно переводила взгляд со своей сумки на Токаря и обратно.

– Я… я не понимаю… это, должно быть, травка. Успокойся, хороший мой, это травка. Скоро пройдет.

Она подошла к Токарю и попыталась его обнять.

– Успокойся, прошу тебя.

– Убери свои поганые лапы! – отпихнув ее, заорал Токарь.

Нина споткнулась о свою сумку и снова упала. Ее светлая одежда посерела от пыли. Саднил содранный локоть, но она не обращала на это никакого внимания. Даже не пытаясь подняться на ноги, она смотрела на Токаря снизу вверх полными слез и непонимания глазами. А он продолжал выкидывать ее вещи из машины. На обочину полетели кроссовки и сумочка. Потом Токарь прыгнул за руль, хлопнул дверцей, и «Патрол» сорвался с места.

И когда от машины осталась лишь крохотная точка на острие сужающейся вдали трассы, Нина перестала плакать. Она посмотрела на поцарапанный локоть, чертыхнулась и, цокнув языком, произнесла вслух:

– Какой ты у меня нервный, милый.

Уголки ее губ поползли вверх в глумливой улыбке.

Глава 11

Рядом с кроссовками валялись и ее сигареты. Они выпали из бокового кармашка сумочки. Нина подняла пачку, вставила в рот сигарету и довольно плюхнулась на спину, словно под ней была не щебенка, а душистая луговая трава или мягкая перина.

У нее было прекрасное настроение.

Впрочем, оно немного ухудшилось, когда Нина поняла, что у нее нет с собой зажигалки и, значит, закурить ей не удастся, пока не вернется Токарь. А в том, что он обязательно за ней вернется, она не сомневалась ни на секунду.

* * *

Эй! И все?! Токарь ПРОСТО уехал, а она ПРОСТО валялась на обочине?! Так не пойдет! Так не по правилам!!! Где же авторское пояснение происходящему? Где рефлексия Токаря? Ау, писатель! Как, по-твоему, те, кто читают это книгу, должны понять, что там только что за хренотень такая стряслась? Или ты думаешь, если подобная ситуация понятна нам с тобой, то она понятна и всем остальным? Ошибаешься. Надо обязательно объяснить.

О, а можно мне это сделать?! Ну пожалуйста! Пжалста-пжалста-пжалста-пжалста! Можно? Спасибо! Я быстренько.

Кхм-кхм, итак.

Конечно же, ни для кого из нас не секрет, что сколько на планете людей, столько и предрассудков. И из этих предрассудков отнюдь не самый редкий относится к оральному сексу. Кто-то элементарно им брезгует, для других

засунуть свой член в чей-нибудь рот недопустимо по морально-этическим соображениям. Сколько людей, столько и взглядов на отсос. Я, например, всегда бежал прочь от пуританок-недотрог. Что с ними делать в постели, ума не приложу. Скучно с такими. Лучше уж подрочить.

Но как бы кто ни смотрел на сексуальные предпочтения других людей, в общем и целом все относятся к ним с известной долей толерантности. Каждый из нас имеет право распоряжаться своим телом по собственному усмотрению. И это нормально, так?

А вот и ни фига не так!

Есть и другая философия на этот счет.

Только не ищите в ней глубины. Ее там нет. Она простая, как рецепт жареной картошки.

Поцеловал ту, которая тебе только что отсосала, – все, собирай вещи, отныне ты пидор.

Не думаю, что смысл этого слова вам правильно понятен. В этих стенах у него куда более широкое значение. Пидором называют абсолютно любого человека, попавшего в гарем. Это принадлежность к классу. Один из синонимов петуха или обиженного.

Но лично я уверен, что нам больше подходит другое слово, которое лучше раскрывает суть нашего положения.

Раб.

Вы гениальный ученый? Лауреат Нобелевской премии? Бескорыстный миссионер, самоотверженно помогающий людям? Светило медицины, спасшее не одну сотню жизней? Талантливый писатель, выдающийся художник, музыкант, математик; вы вносите в этот мир частичку чего-то доброго, светлого, полезного, двигаете прогресс вперед или вы просто обычный человек, в жизни никому не сделавший зла? Все это неважно. Цена этому – ноль, если вы не отвечаете нормам поведения, принятым во вселенной Токаря. И он скорее

отрежет себе руку, чем протянет ее вам. А если вдруг по какой-то причине вы окажетесь в его мире, будьте покойны: вы станете рабом.

Тебе слово, писатель.

* * *

Нина лежала на спине и смотрела в небо. Неприкуренную сигарету она держала во рту. Редкие рваные облака, похожие на клочья ваты, медленно плыли по небесному океану, и Нина глядела на их причудливые формы. Одно облако отдаленно напоминало абрис кита, и Нина вспомнила о Германе.

Он мог усмотреть этих огромных рыб даже в бесформенной кляксе.

Нина быстро отвернулась, но было уже поздно: прошлое вспыхнуло в ее памяти.

С тех пор, как не стало Германа, Нина старалась о нем не думать. Зачем люди, потеряв кого-то по-настоящему близкого, намеренно бередят свои души, просматривая старые фотоальбомы? Снова и снова прокручивая видеозаписи с умершим; изо всех сил стараются удержать в памяти их запах; не выбрасывают их одежду; не выкидывают их духи. Почему? Потому что «пока мы помним, они живы»?

Чушь. Бред. Мертвые всегда лишь мертвые. Удерживая их образы, мы сами себе причиняем муки.

Верящим в загробную жизнь проще. Они ждут воссоединения с любимыми в ином мире.

Черта с два. За горизонтом событий нас ждет черная дыра.

Абсолютное ничто.

Нельзя держать в памяти того, кого больше нет на этом свете. Нельзя, нельзя, НЕЛЬЗЯ!..

Конечно, можно. И, разумеется, нужно. Кого Нина пытается обмануть? Она просто лицемерка.

Она вытравляла Германа из своих воспоминаний не потому, что ей было больно «воскрешать» его этими воспоминаниями, а потому, что каждый раз, когда думала о нем, она видела перед собой тот ужас, через который ему пришлось пройти. Видела последние несколько лет его жизни, которые неминуемо вели Германа к гибели. Нина не могла быть с ним там рядом. Но она слишком хорошо знала Германа, чтобы представить себе его страдания во всех красках. И пережить их вместе с ним. За него. Вновь и вновь. Вновь и вновь.

Четыре года, как его нет. Нина старалась о нем не думать. И вот сейчас это чертово облако…

Нина затряслась всем телом. Из-за подступивших слез все вокруг стало размытым.

«У меня начинается истерика».

Она хлопнула глазами, и два ручейка быстро сбежали по ее щекам и подбородку. Нина решительно отогнала воспоминания. Облачный кит, утратив контуры, растворился. Теперь это снова была всего-навсего глыба из пара, плывущая по небу туда, куда направит ее ветер.

Мимо проезжали машины. Водители притормаживали и с любопытством смотрели на странную девушку. Нина не обращала на них никакого внимания. Наверняка были и те, кто подумал, что с ней произошло какое-нибудь несчастье, и хотел предложить свою помощь, но видя, как Нина, закинув ногу на ногу, беззаботно покачивает босой ступней, они принимали ее за сумасшедшую или алкоголичку и проезжали дальше.

Где-то совсем далеко послышались раскаты грома.

Летний дождь.

Она представила, как на ее раскаленную от жары кожу падают теплые капли, остужая тело и разум, смывая мысли о прошлом. О Германе.

Ей очень захотелось, чтобы сейчас пошел дождь.

На обочину съехал белый минивэн и остановился рядом с Ниной. Девушка скосила глаза на машину. Семья из четырех человек. За рулем мужчина средних лет. Немного полноват. В очках с толстыми стеклами, из-за чего слегка напоминал сову. Рядом с ним женщина. Очень ухоженная, хотя и не красавица. На заднем сиденье двое детей. Девочки. Старшей не больше шести. Другая совсем еще кроха лет трех. Прилепившись к окну, они с любопытством и легким испугом смотрели на Нину. Мужчина что-то сказал женщине, и та кивнула в знак согласия. Тогда он вышел из машины и подошел к странной девушке, лежащей на обочине.

– Извините, кхм, с вами все в порядке? Вам нужна помощь?

Нина приподнялась на локтях. Солнце слепило глаза, и она, поморщившись, поднесла ладонь ко лбу козырьком.

– Нет, спасибо. Все нормально. Я просто жду кое-кого.

В глазах мужчины читалась неподдельная забота.

Нина ладонью стерла слезы с подбородка. Спохватившись, мужчина полез в нагрудный карман и вытащил платок.

– Вот, пожалуйста.

Нина взяла платок. Когда она его развернула, чтобы убрать им поплывшую тушь, она увидела на нем странную вышивку. Мастерски выполненный портрет женщины, рядом с ним неровный овал с двумя точками и полоской с загнутыми вверх концами – лицо, вышитое ребенком, – и под ним уже совсем что-то бесформенное, несколько стежков, прямых и пересекающихся друг с другом.

– Это вышили мои жена с дочками, – пояснил мужчина, заметив, как Нина разглядывает платок. – У меня две дочки. Вон они, в машине.

Он нежно улыбнулся.

– Хех, как смогли.

Этот «семейный портрет» был выполнен с такой любовью, что у Нины защемило в груди.

Какая же это, должно быть, счастливая семья! С какой теплотой мужчина говорил о своих детях!

Семья…

Которой у нее теперь уже никогда не будет.

– Что с вами? Вам плохо? – с беспокойством спросил мужчина, увидев, как изменилось лицо Нины.

Его искреннее участие стало последней каплей. Нина вдруг испытала такую жалость к себе, что сдержать слезы была уже не в силах. Ее прорвало. Боль, которую она глушила (давила?) в себе четыре года, с момента смерти Германа, вырвалась наружу с полной силой, задавила ей горло.

Она снова откинулась на спину и закрыла лицо руками.

Мужчина, присев на корточки, осторожно дотронулся до ее плеча.

Дети в машине испуганно переглянулись.

– Успокойтесь, пожалуйста, успокойтесь, – взволнованно говорил мужчина. – Давайте мы отвезем вас в больницу.

В это время к ним подбежала женщина.

– Что с ней, Рома? Что с вами?

Мужчина поднял на жену рассеянный взгляд.

– Я не знаю. Я спросил, нужна ли наша помощь, а она начала плакать.

– Бедняжка. Вам больно? Вы ранены?

Мужчина внимательно посмотрел на Нину.

– Да нет, непохоже. Скорее, это истерика.

Нина продолжала беззвучно плакать, вздрагивая плечами. Она хотела, но не могла остановиться.

Нагнувшись, женщина легонько погладила ее по голове.

– Ну что вы, что вы, перестаньте, прошу вас. Что случилось?

Но Нина не могла вымолвить ни слова. Слезы комом застревали в ее горле, душили.

Она рыдала до тех пор, пока не выплакала все слезы, скопившиеся в ней за четыре года. Она тихо постанывала, подвывала, начинала тихонько злобно рычать, потом опять стонала и наконец совсем затихла. Лишь тело тряслось мелкой дрожью.

– Танюш, может, «Скорую» вызвать?

Продолжая трястись, Нина помотала головой. Она сделала глубокий вдох и, сложив губы трубочкой, медленно выдохнула. Дрожь прекратилась.

– Не нужно «Скорую». Я в порядке.

Супруги бережно помогли ей подняться на ноги. Женщина подала Нине ее кроссовки, а мужчина придержал ее за плечи, пока та обувалась.

– Спасибо, – тихо сказала она, слабо улыбнувшись. – Возьмите платок, я не хочу его испачкать.

– Давайте мы подвезем вас до дома или хотя бы до какого-нибудь города. Вы куда едете? Мы с семьей едем в Крым. Последний раз там были с женой еще

студентами. Если вы тоже едете в ту сторону, мы с удовольствием вас подбросим. Места всем хватит. И вы сможете, если захотите, рассказать нам, что… э-э… что вас расстроило.

Женщина несколько раз горячо кивнула в знак согласия.

– Конечно. Поедемте. Не оставаться же вам здесь одной, да еще в таком состоянии.

– Нет-нет. Все хорошо. Правда. За мной скоро приедут. Спасибо вам еще раз.

Шмыгнув носом, Нина облизала пересохшие губы, по-простецки задрала низ футболки и вытерла им с лица размытую тушь. Мужчина смущенно потупился, увидев ее плоский загорелый живот с пирсингом в пупке.

– Алиса, солнышко, принеси бутылочку воды! – Обратилась женщина к старшей девочке в машине. Та с готовностью расстегнула молнию на походном холодильнике и извлекла из него бутылку минеральной воды. Быстро перебирая белыми босоножками, она подбежала к Нине, и двумя руками протянула ей бутылку.

На девочке был лимонного цвета сарафан. Волосы собраны в две смешные косички. Она с застенчивым интересом смотрела на незнакомую девушку с растрепанными волосами, в грязной футболке и перепачканным тушью лицом.

– Ой, спасибо, – сказала Нина ласково, принимая воду. – Тебя зовут Алисой?

Девочка застенчиво кивнула.

– У тебя красивое имя. А я Нина. Очень приятно познакомиться.

Маленький человек со смешными косичками.

Герман никогда этого не говорил, но Нина знала – в глубине души он всегда мечтал о ребенке. О дочке. Просто боялся в этом себе признаться. Боялся расстаться с дурацкими мечтами о мировой славе. Со своей чертовой рок-группой. Со свободой. Он хотел прожить две жизни. Это не ново. В глобальном

смысле. Всегда приходится выбирать только один из возможных сценариев, жертвуя остальными. Тогда Герману было двадцать. Он сделал свой выбор. Он решил посвятить себя музыке. Грезил большой сценой. Сутками пропадал на репетиционных точках и студиях звукозаписи. Оттачивал мастерство игры. Постепенно группа, в которой он играл, обретала известность. Их начали приглашать в ночные клубы, на фестивали. Пошли первые гонорары. Гастроли по городам. Сольные концерты. Все это были мелочи, не приносящие ни настоящей славы, ни серьезных денег, однако они упорно продолжали идти к своей цели.

И все же порой, когда не было концертов, пьяных вечеринок, когда из его постели уходила очередная любовница, чужая и почти незнакомая, Герман задумывался о семье. Представлял себя семейным человеком. Мужем. Отцом. Отцом вот такой же девчушки в желтом сарафане и с двумя забавными хвостиками. Смешно, конечно. В сущности, он и сам был еще ребенком. Ему было девятнадцать.

Он хотел прожить две жизни. И не прожил ни одной.

«Хватит!» – приказала себе Нина.

Она вновь прогнала воспоминания.

– Вы уверены, что не хотите, чтобы мы вас подвезли?

– Да, уже все отлично, – бодро ответила Нина. – Правда, того же нельзя сказать о моем лице.

Она нагнулась к сумочке у своих ног и выхватила из нее зеркальце. Взглянув на свое отражение, шутливо воскликнула:

– Какой ужас! Я боюсь, как бы теперь Алису не замучили кошмары, – посмотрев на девочку, Нина скривила смешную рожицу и скосила глаза к переносице. – Страфная, гряфная тетя, у-у-у.

Алиса смутилась и, прыснув смехом, побежала обратно к машине.

– Ну что же, кхм, если вам ничего больше не нужно, тогда мы поедем. Вы точно уверены, что…

– Абсолютно, – мягко перебила мужчину Нина, – поезжайте. Я уже говорила, за мной скоро приедут.

– До свидания.

Крохотной нитью блеснула молния, но грома не было слышно. Дождь шел в другую сторону.

– У вас прекрасная дочка! – крикнула Нина на прощание, когда пара подходила к своей машине.

Они помахали ей в ответ.

И тут Нина услышала далекий шум мотора.

Глава 12

Звук доносился со спины. Еще тихий, но с каждой секундой Нина слышала его все громче. Она самодовольно ухмыльнулась. Ей не нужно было оборачиваться, чтобы убедиться в своей правоте. Она и так знала: это Токарь. Он возвращался за ней. Было мгновение, когда Нине подумалось, что Токарь уехал навсегда. От этой мысли холод волной пробежал по ее телу. Она готова была убить себя за то, что потеряла его, что допустила это своим идиотским поведением. Но эта мысль не успела пустить корни и утопить ее в панике – Токарь вернулся раньше, чем такое случилось.

«Патрол» жалобно завизжал тормозными колодками, накренился своей мордой почти до самого асфальта, затем выпрямился и замер. Какое-то время Токарь оставался в машине, потом распахнул дверь и быстрыми шагами направился к Нине.

На этот раз лицо девушки не выражало всепрощающую покорность, как это было прежде. Она смотрела на Токаря с вызовом. Это немного выбило его из колеи. Он молча смотрел на Нину, пытаясь как можно более доходчиво сформулировать причину своих недавних действий.

Нет. Извиняться он не собирался. Более того: если сейчас он не услышит того, что нужно услышать, если Нина настолько глупа, что не прочитает в его глазах правильный ответ на вопрос, который Токарь собирается задать, тогда он немедленно развернется и уедет, но теперь уже навсегда. И еще, пожалуй, втащит ей как следует на прощание.

Он вернулся для того, чтобы задать один-единственный вопрос.

И его вполне устроит ложь. Только качественная, убедительная ложь. Убогое вранье он принять не сможет, как бы ни хотел. Он вернулся за ложью, потому что неожиданно для себя с горечью осознал одну вещь: если он потеряет Нину, он потеряет только что найденный смысл своей бестолковой жизни, которая до встречи с этой девушкой казалась ему единственно возможной.

У него еще будет время подумать об этом как следует, а пока…

Он вернулся, потому что ему нужно задать вопрос.

– Я… кхм… я это… я вернулся, потому что мне нужно задать тебе один вопрос.

И услышать ложь.

– И не вздумай мне врать, поняла?

Нина вскинула бровь.

– Я думала, ты хотел извиниться.

– Извиниться?! Я?! Ты че, правда не догоняешь?! То, что ты собиралась сделать… ну, то, что… короче, это неправильно. Это блядский поступок! А бляди – это… ну они и есть бляди! И, короче, отношение к ним соответствующее! Вы тут уже совсем ебанулись на этой воле?! Насмотрелись своих пидорских фильмов, а

теперь сосете и лижете друг у друга, как шлюхи дешевые! Ты же будущая мать! Тебе этими губами ребенка своего целовать! Бля, да если вообще по понятиям разобраться, я даже разговаривать с тобой не должен! А я разговариваю!! Я, сука, разговариваю!! Потому что… потому что…

Токарь понял, что слишком разошелся. Речь была сбивчива. Он замолчал. Запустив обе ладони в короткий ежик волос на своей голове, провел ими ото лба к затылку, а затем резко обратно, словно хотел стряхнуть с волос воду.

– Ладно, – продолжил он, немного успокоившись, – ф-у-у-у-ух, короче, ты… ты делала так раньше?

Нина вставила в рот сигарету, которую она все это время держала в руке. Взглядом попросила прикурить и сказала:

– Ты имеешь в виду, делала ли я хоть раз в своей жизни минет?

– Ты че, дрочишь меня, что ли?! – снова психанул Токарь и, размахнувшись, выбил сигарету из губ Нины. – Да, блять, я спрашиваю тебя именно об этом! Я спрашиваю, сосала ли. Ты. Хуй?!

К его удивлению, это не произвело никакого эффекта. Нина по-прежнему оставалась невозмутимой. Даже когда его огромная ладонь просвистела в сантиметре от ее лица, она не шелохнулась. Лишь гневный прищур стал более выразительным.

Но вдруг лицо девушки изменилось. Злоба в ее глазах, которая минуту назад заставила Токаря колебаться, сменилась тревогой.

Только сейчас она заметила, что белый минивэн продолжал стоять на месте.

* * *

Вы, наверное, обо мне уже и забывать стали.

Простите, я задремал. Денек выдался поистине сюрреалистический. Плюс нервы. Страх. Долгое сидение в одной позе. Полумрак. Неудивительно, что я отключился. Взглянем на часы. Ого! Уже второй час. Скоро обед. Только вот есть совсем не хочется. Как-то не до еды мне.

Я закурю, с вашего позволения.

У-у-у-ф… Ф-у-у-у…

Отлично.

Вообще-то сигареты здесь не положены. И часы тоже. Но только не в моем случае. Меня закрыли тут не в наказание, а наоборот – во спасение. Так сказать, «провели по безопасности». А если говорить проще, сотрудники администрации (назовем их привычным вашему уху словом «надзиратели») с боем вырвали меня из лап разъяренной толпы ублюдков, собиравшихся разорвать меня в клочья, и спрятали в этом прекрасном месте. Хотя бы на время. Поэтому ни часы, ни сигареты у меня не изъяли. А дальше начнется старая песня. Скоро сюда приедут штатные оперативники, психолог, помощник начальника колонии, начальник санчасти. Все они будут расспрашивать меня, «зачем» да «почему». Потом станут думать, что делать со мной дальше. Решат пока оставить в этой камере, а сами начнут готовить документы для этапирования меня в другой лагерь. Но для этого нужно время, и немало. А у меня его нет. Они достанут меня и здесь. Я должен валить отсюда немедленно, прямо сейчас. Спецэтапом. И не абы куда, а непременно «на больничку».

ЛИУ – лечебно-исправительное учреждение – это единственный лагерь, в котором по их сраному кодексу запрещено проводить карательные меры. Ну, может быть, пересчитают мне ребра, но не более.

Вам, наверное, интересно, чего же это я натворил, что оказался в таком положении? Ну и смеяться вы будете, когда я вам расскажу. Готов спорить, вы просто лопнете со смеху.

Глава 13

Сидя в заведенной машине, супруги с сильным беспокойством наблюдали за ссорой между Ниной и подъехавшим мужчиной. Когда тот выбил сигарету изо рта их новой знакомой, мужчина и женщина испуганно переглянулись.

– Рома, он ее ударил!

Женщина схватилась за дверную ручку, намереваясь немедленно вмешаться, но муж остановил ее.

– Оставайся в машине.

– Но мы должны…

– Разумеется. Но ты сиди тут. Я попробую успокоить его.

– Ром, а может, полицию вызвать? – испугавшись за мужа, неуверенно произнесла женщина.

Глава семейства склонил голову набок и посмотрел на жену таким взглядом, каким смотрят на наивного ребенка.

– Ну какая полиция, Тань.

Он вышел из машины. До его слуха долетел страшный бас разгневанного незнакомца: «Я, блять, тебя по-русски спросил! Для меня это важно!»

В школе Рома увлекался велосипедным спортом и фотографией. Сейчас он искренне сожалел, что не отдал предпочтение боксу или чему-нибудь в этом роде.

– Рома, – окликнула его жена.

– М?

Женщина колебалась. То, что она собиралась сказать, казалось ей дикостью.

– В багажнике… есть домкрат.

Рома кисло дернул щекой.

– Ну и что мне с ним делать? Пересядь за руль на всякий случай.

Он с трудом припомнил, когда дрался в последний раз. Кажется, в школе. Какой, к черту, домкрат. Ударить тяжелым куском железа человека? Конечно, нет. Разве что захватить его для устрашения. Но в данном случае это вряд ли сработает, нечего и пытаться, только хуже будет. Рома не был ни трусом, ни наивным простофилей, он просто адекватно оценивал ситуацию: пухлый, в очках, «интеллигентишка»… С домкратом. Хорошо, что не взял, а то им бы и получил. Пришедший с домкратом от домкрата, как говорится, и погибнет. Тьфу, что за чушь лезет в голову.

Но не вмешаться Рома не мог. Бог знает, на что этот урод способен. Девушка была перепугана. Она смотрела на Рому умоляющим, полным отчаяния взглядом.

Ладно, будь что будет.

– Эй, вы! – как можно суровей обратился он к Токарю и внутренне скривился, как от горькой пилюли. Ну что за «вы», идиот несчастный! – Прекрати немедленно.

Токарь обернулся.

– М? Ты че, животное. Ты откуда высрался? Пошла на хуй отсюда, дура, пока я тебе ебасосину не разнес.

От волнения и страха во рту у Ромы пересохло. Но он не уходил.

– Я сказал, оставь ее в покое! Нина, идите к нам в машину, мы отвезем вас…

– Кого ты там куда увезешь, пингвин обоссанный?! Я больше повторять не буду. У тебя есть три секунды, чтобы испариться. Раз…

– Мы вызовем полицию. Просто дай…

Токарь сделал пару быстрых шагов и оказался вплотную к Роме, который был его выше на полголовы. Слегка боднув его лбом в переносицу, Токарь тихо прохрипел:

– Мусорами меня пугаешь? Два…

Глава 14

– Ты охерел? Ты угрожаешь моему мужчине? – гневно выкрикнула Нина.

Токарь и Рома удивленно уставились на нее.

– Не дай бог из-за тебя его загребут в ментовку! – она повернулась к Токарю, взяла его за руки и попыталась утащить к машине. – Милый, поехали отсюда, поговорим в другом месте. Если этот жирный придурок и правда вызовет полицию, мы потеряем время, а ты, ты можешь опоздать на встречу со своим другом.

Первая мысль, которая пришла Роме в голову во время этой сцены, была о том, что Нина просто пыталась таким образом не дать здоровяку досчитать до трех, то есть пыталась защитить своего «защитника». Но кто видел такое в реальной жизни? Только в кино. Зачем искать что-то большее в совершенно тривиальной ситуации? Бритва Оккама. Попробуйте заступиться за алкоголичку на улице, которую колотит ее муж-собутыльник, ударьте подонка – и она первая вцепится вам в лицо. Конечно, Нина не была похожа на маргинала, но что это меняет? Суть остается той же. Красотки любят отморозков – обычное дело. От недостатка ума, надо полагать.

– Че ты вылупился?! – не унималась Нина. – Вали отсюда, помощник долбаный.

Она резко приблизилась к Токарю и, пристально глядя в его глаза, заговорила очень быстро.

– Ты спросил меня, делала ли я так раньше. Нет, никогда, милый, я клянусь тебе, слышишь! Я дура, самая настоящая дура. Еще эта травка… Я не знаю, что на

меня нашло. Я хотела… я думала, что тебе понравится… Я готова была переступить через себя, хотя я знаю, что это грязь, грязь! И… и ты прав, мы отравлены, мы насквозь прогнили.

Нина обняла Токаря и стала осыпать его лицо поцелуями.

– Прости, прости меня, милый. Я никогда… ты мне веришь? Пожалуйста, верь мне.

Она умолкла и посмотрела на Токаря умоляющим взглядом.

Нина казалась настолько искренней, что даже если бы Токарь хотел ее уличить сейчас во лжи, он бы не смог этого сделать. Но он и не хотел. Наоборот, он желал, он внутренне умолял ее, чтобы она произнесла именно эти слова. Он за руку ее не ловил, свечку не держал. Так почему ей не верить? Она могла просто ответить «нет», могла всего лишь помотать головой. Токарь бы принял и такой ответ. Думал, что не примет, думал, что не сможет ее принять, если Нина не будет убедительна. Но в глубине души он знал, что сожрет любую ложь, любую, даже самую убогую. Он боялся услышать не ложь. Он боялся услышать правду. Потому что, услышав правду, он бы лишился Нины навсегда. Без вариантов.

Токарь хмуро поглядел на Нину, затем, не торопясь, повернулся к Роме и слегка улыбнулся.

– Вали отсюда, пока батька добрый.

Нина похватала с земли свои вещи.

Парочка запрыгнула в машину, и в следующую секунду «Патрол» рванул с места, обдав Рому щебенкой.

– Что у них там стряслось? Неужели они помирились? – открыв окно, недоуменно спросила Рому жена, когда «Патрол» скрылся из виду.

– А, – с досадой махнул он рукой и зашагал к своему минивэну.

Глава 15

Стрелка бензобака показывала по нулям.

– Надо бы заправиться, – сказал Токарь просто для того, чтобы сказать хоть что-то. С их последнего разговора на обочине они не произнесли ни слова.

Нина курила, приткнувшись лбом к приоткрытому окошку. Она только что закончила приводить себя в порядок. Сначала Нина долго стирала с лица размазанную слезами тушь, бормоча себе под нос что-то вроде «надо было влагостойкую брать, балда», потом тщательно наносила ее снова. После этого она минут пять выбирала из целой россыпи помад, какой накрасить губы. Остановилась на ярко-красной. Влажной салфеткой обработала царапины на локте, и вот, спустя тридцать минут, она закончила и теперь курила.

В иной раз Токарь бы обязательно подколол Нину тем, что она целую вечность тратит на макияж, но сейчас он был занят другим. Он с интересом прислушивался к себе, к своим ощущениям.

Возвращаясь за Ниной, после того, как он буквально выбросил ее из машины, Токарь внутренне подготовил себя ко лжи. Он понял, что сможет принять обман, иначе бы не развернул машину. Но он также понимал и то, что полностью забыть о том, что это будет всего лишь обман, у него не получится никогда.

Все сосут. На монашку Нина не похожа.

Сосут все. И с этим дерьмом приходится мириться. При помощи самообмана.

Самообман – как противоядие; как лекарство от смертельной болезни: полностью не вылечить, но купировать можно долгие годы.

Токарь втянулся в Нину по самые уши.

Он не мог ее потерять.

И он развернул машину. Он решил принимать «лекарство» столько, сколько понадобится.

Он думал – это будет тяжело. Но сейчас он с облегчением поймал себя на мысли, что совершенно не мучается по этому поводу. Он даже хотел проверить, насколько сильно его это не гложет. Начал представлять себе, как Нина стоит на коленях… Но, испугавшись риска все испортить, передумал и быстро направил мысли в другое русло. «Надо бы заправиться».

– Нин, – тихим, виноватым голосом позвал он девушку.

– М? – так же тихо отозвалась она, не поворачиваясь.

– Извини, кхм, еще раз.

Нина повернулась к Токарю, ласково на него посмотрела, придвинулась к нему и, обняв обеими руками его руку, положила голову ему на плечо.

– Какой ты у меня дурачок.

Впереди показалась автозаправка. Токарь сбросил скорость и перестроился вправо.

– Убила бы за душ. – Нина брезгливо глянула на свою некогда белую футболку. – Надеюсь, в этом мотеле есть душ?

– Да боб его знает. Должен быть, я думаю.

Девушка мечтательно вздохнула.

– Мотель у дороги. Как романтично. А название у него есть?

Глава 16

– Да нет у него никакого названия. Обыкновенная ночлежка, ептыть, – сказал Винстон и взял сигарету из протянутой Токарем пачки.

Они сидели за кухонным столом в квартире Токаря. Перед ними лежала дорожная карта.

– Изначально цыгане должны были встретиться вот здесь, – Винстон ткнул в карту черным маркером, оставив на ней жирную точку. – Но для нас это вообще не варик. Там в радиусе километра ни хрена нет, пустырь, негде загаситься. Поэтому Мишке пришлось убедить своих, чтобы те переиграли место разгрузки.

– Интересно, что им наплел, чтобы они согласились перенести отгрузку в людное место? – ехидно поинтересовался Токарь. Ему не очень нравилась вся эта затея.

Винстон ухмыльнулся.

– Не скажи. В этом есть своя логика, братишка. Если хочешь сделать что-то незаметно, делай у всех на виду. Фура доверху забита яблоками. Че тут такого, если водила по дороге слил пару ящиков налево каким-то, скажем, своим родственникам или друзьям?

– Слышь, а че нам просто не выхлопнуть водилу фуры по дороге?

– Ага. Ты че, вестернов насмотрелся? Ты хоть раз брал на абордаж прущий на полном ходу грузовик с опытным водилой за рулем, перевозящим дорогостоящий груз? Я пробовал. В девяносто седьмом. Я и еще три таких же бэтмена со мной, – Винстон оттянул ворот футболки, обнажив рубец на ключице. – Мы ему «макарычем» машем, а он нам двустволкой. Мы ему по колесам, а он в ответку Фоке башку снес. Так что ну его на хрен. Да и пускай даже мы его остановим, где мы будем «геру» искать? Там, блять, целая фура чертовых яблок. Че нам с тобой, водилу пытать? А если он и сам не в курсе?

Токарь встал из-за стола и принялся рассуждать вслух, меряя шагами крохотную кухню хрущевки.

– А как мы цыган брать будем? Гоняться за ними на машинах глупо. Значит, придется хлопать их прям там, у всех на глазах.

Винстон кивнул.

– Да. Как только они перекидают ящики к себе в машину – валим их рылами в землю.

– Убиваем? – спокойно спросил Токарь.

– Да по-хорошему надо бы… Только нельзя. Из-за жмуров менты точно всполошатся. Проворачивай они это хотя бы ночью… Так что без мокрухи. Кстати, о птичках: мне тут мысля одна в голову пришла. Ты можешь достать парочку хороших транквилизаторов?

Токарь удивленно сморщился.

– Чего? Какие, на хер, транквилизаторы? Ты Джеймс Бонд, что ли?

– Ну-ка предложи свой вариант. Давай-давай, я слушаю. Как ты еще собираешься их вырубить, чтобы быстро и без лишнего шума? Мне самому эта идея не очень по душе, я такой херней никогда не пользовался, но других вариантов я не вижу. Я почитал в интернете, этих транквилизаторов целая куча всяких разных существует. Есть даже такие, которые от настоящей пушки хрен отличишь с первого взгляда. Поэтому я повторяю свой вопрос: можешь ли ты достать парочку таких штуковин?

– Ну есть у меня один пацанчик, у него каких только игрушек нет, – ответил Токарь, все еще с сомнением хмуря брови.

– Вот и чудненько.

– Мда… – задумчиво протянул Токарь, закурив сигарету. – Короче, думать надо, смотреть.

– Опять думать? Ты уже к сегодня должен был все обдумать. Времени нет ждать, пока ты свои яйца отыщешь. Короче, поедешь туда заранее и прикинешь, что к чему.

– Я еще не сказал, что вообще куда-то там поеду, – проворчал Токарь и, помолчав, устало произнес:

– Если честно, задолбало срока? мотать.

– Ой, ебать, какие мы нежные, – раздраженно съязвил Винстон. – А меня не задолбало?! Меня не задолбало?! Полжизни в лагерях пролетело. На свободу, как в отпуск, хожу: месяц – и обратно. Нам уже по сороковнику, а что у нас есть? Ни хрена. Это наша возможность, понимаешь, начать все сначала.

Он подошел к курящему у окна Токарю и положил тому руку на плечо.

– С такими деньгами мы сможем уехать куда захотим, братиш. Купим себе дом на берегу моря или че ты там хочешь. Будем пить ледяные коктейли и валяться в шезлонгах. Женимся на каких-нибудь красотках, заведем детей и забудем все это дерьмо к херам свинячим.

Винстон взял кухонный нож, достал из холодильника обрубок колбасы, нарезал ее крупными кривыми ломтями.

– Как-то так, – заключил он с набитым ртом.

Сделав глубокую затяжку, Токарь запустил бычок в открытое окно.

– Ладно, хрен с тобой.

Он подскочил к Винстону и шутливо ударил его хуком по печени.

– Двести кусков! Ебануться!

Смеясь, Винстон принял боксерскую стойку и стал медленно поводить ножом из стороны в сторону.

– Ты тише будь! Ножик-то у меня.

Как бы испугавшись, Токарь вскинул руки.

– Все-все, ха-ха!

Решение принято. Тема была закрыта. Больше они в тот вечер к ней не возвращались. До самого утра друзья пили, смеялись, вспоминали проведенные в лагерях годы и делились друг с другом своими планами на будущее, в которое они собирались войти богатыми, беспечными людьми.

А на следующий день, когда Токарь, с чудовищной головной болью, плелся до ближайшего киоска с шаурмой, он познакомился с Ниной.

Глава 17

Токарь сунул пистолет в бензобак и зафиксировал ручку в нажатом положении.

Оплачивать топливо нужно было через кассу крохотного супермаркета, находившегося тут же, на заправке.

– Добрый день, – поприветствовал Токаря продавец, когда тот вошел в магазин.

– Пэ Тэ, – кинул в ответ Токарь, отсчитывая деньги. – Девяносто восьмой, полный бак.

– Хорошо. Что-нибудь еще?

– Пачку парлика. Крепкого.

– Наличные или по карте?

– А бабки я просто так в руке держу? – без злобы, риторически спросил Токарь. – Наличные, конечно. Я не идиот, чтобы свои кровные жидам доверять.

Продавец еще сильнее растянул рот в дежурной улыбке.

В этом крохотном магазинчике было все необходимое, что может понадобиться в долгой дороге путешественнику. Продукты быстрого приготовления, солнцезащитные очки, зарядные устройства для мобильных телефонов, кофе из автомата, автомобильные насосы, резиновые тапки, китайские детские игрушки из вонючего пластика и много чего еще.

Сюда часто заглядывали водители. И не всегда для дозаправки. Покупали сигареты, минеральную воду, бутерброды в вакуумной упаковке. И пока наливался кофе и грелись в микроволновке бутерброды, люди делились с продавцом своими мыслями. Дальнобойщики рассуждали о мировой политике, проститутки – о масонах, пожилые дачники – о проститутках и развращающем молодежь «еньтернете», и все вместе – о коварстве загнивающего Запада.

Все это продавец слушал с пластмассовой улыбкой, изредка поддакивая короткими фразами, типа «да уж» или «это точно, и не говорите». А когда посетители выходили, он мгновенно переставал тянуть кончики губ к ушам и терялся в пространстве ютьюба.

– Это вы точно сказали, хе-хе.

– Вот-вот. Мозгами нужно думать, а не жопой, – посоветовал Токарь, убирая сигареты в карман. – Все зло от этих кровососов хитровыебаных.

И уже у выхода, не оборачиваясь к продавцу:

– Но где они учились – мы преподавали.

В то время, пока Токарь был в магазине, Нина успела переодеться в чистое. Сейчас на ней были джинсовые шорты и черная хлопковая майка с V-образным вырезом. От туфель устали ноги, и Нина надела телесного цвета сандалии «гладиаторы» на плоской подошве.

Щелкая радиоканалы, она на минуту остановилась на астрологическом прогнозе. Диджей, силясь заразить весь мир позитивом, чуть ли не орал веселым голосом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/genri-siril_/80-sigaret

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить